

**Колокол,
мельница,
хлопковый мед**

Энни Кей

Энни Кей

**Колокол, мельница,
хлопковый мед**

«Автор»

2023

Кей Э.

Колокол, мельница, хлопковый мед / Э. Кей — «Автор», 2023

В поисках вдохновения начинающая писательница Маделин Стоун объявляет конкурс на лучший сюжет. Победителем становится крик души из маленькой деревушки Холмсли Вейл: вот уже два года подряд на Хэллоуин пропадают мальчики, а их родители получают письма от Джинни Харди. Джинни — местная знаменитость: дочь богачей, творческая натура, первая во всем, к чему бы ни притронулась. Есть одно но: Джинни покончила с собой двадцать лет назад. Мад в рассказы о призраках не верит, она подключает здравый смысл и едет в Холмсли Вейл, чтобы остановить похитителя. Но в попытке связать между собой исчезновение детей и загадочное самоубийство девушка лицом к лицу сталкивается с местной легендой...

© Кей Э., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава первая, в которой появляется белый конверт	5
Глава вторая, в которой Джинни Харди оказывается ближе, чем казалось	10
Глава третья, в которой я узнаю о пропаже мальчиков чуть больше и слушаю стихи	16
Глава четвертая, в которой я пропадаю	24
Глава пятая, в которой я попадаю в страну чудес и встречаю самую красивую женщину Холмсли Вейл	34
Глава шестая, в которой я становлюсь на шаг ближе к богу и на пару шагов	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Энни Кей

Колокол, мельница, хлопковый мед

Глава первая, в которой появляется белый конверт

Конверт был красивый, молочно-белый, шероховатый. Уголки немного испачкались, но это делало его более живым. Обратного адреса не было, только адрес моей квартиры и официальное «Мисс Маделин Стоун», написанные чернильной ручкой. Кто в наше время еще пишет чернилами?

Из кучи рекламных буклетов и пары официальных рассылок рядовой бумаги, которая накопилась в почтовом ящике из-за моего нежелания его освобождать, конверт выпал под тяжестью собственного веса. Я немедленно бросила сумку на обувную полку и схватилась за него как за способ заняться чем-то безотлагательным. Потому что только этим и занималась последние несколько недель: искала повод оттянуть неизбежное. Ведь все это время я только и делала, что пыталась найти и успешно находила поводы не заниматься тем, чем мне непременно следовало заняться.

Прошел год с тех пор как я выпустила книгу о трагических событиях, случившихся пару десятков лет назад в моем родном доме. Книга вышла романтической, драматической, несколько криминальной, но все это не дало ей и десятой доли популярности, в отличие от присутствия в ней совершенно реальных и очень известных людей. После выхода романа моя жизнь закрутилась, как безумная карусель, на которой я только успевала менять лошадок. Мой издатель сразу же почувствовал в истории потенциал, а потому не пожалел денег на рекламу. В кратчайшие сроки книга стала бестселлером в нашей стране и за ее пределами, а я только покупала билеты в очередной город на презентацию. Почти полгода колесила в пресс-туре, набирая целлюлит круассанами кофе-брейков и колой на столиках пресс-конференций, пока все вокруг смаковали пикантные подробности моей семейной да и просто личной жизни в прошлом и настоящем.

Дом, где произошли главные события романа, превратился в место, у которого дневали и ночевали журналисты и простые любопытные, поэтому жить там стало совершенно невозможно. По правде, мне по-прежнему сложно было назвать родовое гнездо своим, поэтому я покинула его с легким сердцем и под благовидным предлогом. Родительский дом пустовал, отданный под надзор семейных адвокатов. Я не знала, что буду с ним делать, и решила переждать какое-то время, пока на его заборе висели любопытные.

Я отправила своего дядю Тома в путешествие по миру, откуда он, кажется, не спешил возвращаться. Дядя был счастлив в этих поездках, что меня полностью устраивало: он действительно заслуживал счастья после всех переживаний, которые выпали на его долю. Можно было только завидовать его фотоотчетам из разных точек на карте мира. И я немного завидовала: так хотелось хоть ненадолго попринадлежать самой себе снова, как тогда, когда я начала писать и никто еще обо мне не знал. Чувствовать свободу, которая, как мне теперь казалось, покинула меня навсегда.

Джей Си тоже стал широко известен после выхода книги, ведь он поддерживал меня на всем пути к ней, да и, будем честны, это была его идея с самого начала. Роман сделал его бар популярным местом в масштабах страны, поэтому Джей Си, недолго думая, решил открыть филиал и в крупнейшем мегаполисе. Новое место отнимало у него кучу времени, он полностью погрузился в этот проект, мы почти не виделись, но в основном из-за того, что я отсутствовала еще чаще.

Я сняла квартиру в центре, чтобы было где сбрасывать вещи после очередной поездки. Дала дубликат ключей Джей Си, но он ни разу им не воспользовался, потому что буквально жил в новом баре, который пока напоминал поле боя и еще не был официально открыт: дизайн съедал месяцы времени, ведь все стены небольшого помещения хозяин расписывал самостоятельно. Новые идеи рождались у Джей Си с завидным постоянством, и он мог по нескольку раз начинать все заново. Периодически срывался в свой первый бар, чтобы реализовать что-то там или просто постоять ночь за стойкой и напитаться энергией посетителей, которые его обожали. Мы по-прежнему общались каждый день, но порой вырубались в процессе разговора от усталости, то он, то я.

Так продолжалось довольно долго, пока мой пресс-тур официально не закончился. Журналистов взял на себя мой агент, который составлял мне расписание и расставлял приоритеты. Как бы то ни было, их стало существенно меньше, чем полгода назад. И после постоянного движения и шума я вдруг оказалась в оглушающей тишине квартиры. В тишине, которую должна была нарушить именно я.

Успех книги негласно, а потом и гласно обязал меня писать дальше. А о чем писать, я не имела ни малейшего понятия.

Первая книга была автобиографичной и почти полностью строилась на том, что рассказывали мне другие люди. Иными словами, я там ничего не придумывала. Мне рассказывали, я записывала. Но теперь пропасть людей почему-то считала меня настоящей писательницей с воображением, а я только вежливо улыбалась в ответ и задумчиво рисовала цветочки в молескине.

Все вокруг были при деле и ждали дел от меня. Я честно открывала чистую страницу в блокноте или ноутбуке и пялилась на нее, надеясь сама не зная на что. Идей было ноль.

Как и всегда, в любой непонятной ситуации стоило поговорить с Джей Си. Этот разговор, случившийся с месяц назад, в конце сентября, и стал причиной появления белого конверта, подписанного синими чернилами. Я пришла в новый бар Джей Си рано утром. Рассвело совсем недавно, но из-за постоянного напряжения от необходимости написать новую книгу и неспособности ее начать мои биоритмы рыдали вразнобой, поэтому я пошла к другу, как только утренняя дымка над тротуарами перестала быть ночной.

На тот момент новый бар представлял собой помещение с огромными стеклянными витринами, заляпанными следами отделки. Внутри хаотично были расставлены банки и ведра с краской, валялись кисти, тряпки и другие элементы творческого процесса. У дальней стены на высоком двуспальном матрасе спал сном младенца и сам творец, раскинувшись, в одних джинсах, и в совершенно расслабленной позе. Я не переставала удивляться его непосредственности: спать с открытыми окнами первого этажа в полный рост, да еще на полу. Вот уж действительно никаких предрассудков.

Я тихонько постучала в стекло коленом, потому что руки мои были заняты кофе и пакетом с бейглами: прийти спозаранку с пустыми руками казалось совсем неприличным, даже к Джей Си. Одеядо рядом с ним зашевелилось, приглушенно взвизгнуло и свернулось в большой комок. Джей Си потер глаза и повернулся в мою сторону. На его лице тут же появилась улыбка.

– Рановато, Мэдди, – протянул он, открывая мне дверь босиком и с резинкой от трусов, выглядывающей из-за пояса джинсов. – Что-то случилось? Ммм, кофе! Отлично, бросай его куда-нибудь.

Я поставила завтрак на металлическую бочку, которую Джей Си использовал вместо обеденного стола. Она хранила на себе следы вчерашнего вечера: бутылку красного вина с его остатками, два грязных бокала и помятую бумагу с парой кусочков бри. Как Джей Си удавалось соблазнять девиц такими спартанскими условиями, непонятно. Но дело всегда было не в выпивке, не в баре, не в мотоцикле и даже не в свалившейся недавно известности. Дело всегда было в самом Джей Си.

Его новая знакомая (хотя я не уверена, что он без труда назвал бы ее фамилию или даже имя в тот момент) зябко, а скорее боязливо, куталась в одеяло на том же матрасе на полу. И я вызывала у нее дрожь гораздо больше, чем утренняя свежесть, пришедшая в бар вместе со мной.

После выхода романа все сводили меня с Джей Си. Вернее даже, по умолчанию считали, что мы с ним пара. Все это по-прежнему было далеко от истины: ничего не поменялось, мы оставались друзьями, самыми близкими друг другу и самыми честными друг с другом.

Конечно, девушкам на его матрасе в это было тяжело поверить, поэтому я, постучавшая в бар с рассветными лучами, вызвала настоящую панику, хоть и молчаливую: малышка, укутанная одеялом, смотрела на меня огромными глазами из-за собственных коленок.

– Может, мне позже зайти, – решила я проявить тактичность.

– Да с чего бы? – искренне не понимал намеков Джей Си. – Кофе очень кстати.

Тем не менее мой разговор не предполагал посторонних ушей, даже парализованных ужасом. Поэтому мы провели несколько минут за кофе с углеводами, во время которых незнакомка немного расслабилась и даже решила попросить у меня автограф. И извинилась передо мной за то, что провела в баре ночь. И как только Джей Си находил таких девиц? И что в них находил?

Наше сдержанное общение и только два стакана с кофе наконец дали ей понять, что пора оставить нас наедине. Перемещаясь в одеяле, как в саване, она ускакала, чтобы одеться, и ушла, оставив Джей Си на прощание долгий и очень влажный поцелуй.

– Что стряслось? – спросил он, вытирая губы заляпанным краской полотенцем.

– Ни черта не выходит. Ни словечка не могу написать. Полное зеро. Я бездарность и пустое место, и вот-вот об этом узнает весь мир, – вывалила я все сразу.

Джей Си не поддавался моей панике никогда. Он снова потер глаза (еще не до конца проснулся) и сказал:

– Проблема белого листа одолела знаменитую писательницу?

– Ха-ха, – передразнила его я. – Такой ты юморист. Вот только издателю я твои шуточки отправить не смогу, к сожалению.

Джей Си отбросил прядь волос со лба и, не обращая внимания на мой тон, продолжил:

– Ну, раз нет своей истории, возьми чужую.

– Плагиатничать меня призываешь? – брезгливо поморщилась я.

– Да нет, конечно. Просто взять откуда-нибудь вдохновения. Мало ли в мире необычных историй. Выбирай любую и пиши о ней.

– Ох, спасибо тебе большое, как же я не догадалась стащить чужую историю? – съязвила я и взмолилась: – Ну, ты серьезно?

Джей Си, кажется, не был еще готов к достойному сарказму в ответ, поэтому нетерпеливо вздохнул:

– Не надо ни у кого ничего воровать. Даже так: Мад, пожалуйста, ни у кого ничего не воруй, – добавил он с усмешкой.

Я покачала головой, как бы говоря: «Все-то тебе смешно, а моя жизнь летит к чертям».

– Ну а если серьезно, Мэдди, – кажется, Джей Си действительно был серьезным, – в мире миллионы историй, которые только и ждут, что их вытащит на свет божий знаменитая писательница, – тут он протянул в мою сторону обе руки ладонями вверх.

– Угу, – скептически протянула я.

– Это действительно так, – уже заводясь от собственной идеи и немного раздражаясь, что я еще не считала ее в его мозгу, сказал он. – Ты сейчас известна всему миру как девушка, умеющая раскрывать тайны. Ты создала Нэнси Кэллахэн, а Нэнси Кэллахэн не знает преград и всю подноготную любого секрета достанет и распишет так, что сделает знаменитым кого угодно. Ты только закинь сеть в сеть, а рыба сама приплывет к тебе.

Что-что, а убеждать Джей Си умел. То, что казалось мне слабо реализуемой идеей, моему агенту показалось гениальным решением для прикорма голодающей музы. Не прошло и суток, как во всех официальных писательских сетях появился пост, в котором популярная писательница устраивала конкурс на самую загадочную тайну, выбрав которую обещалась описать в своем новом романе.

Если бы это придумала я, ни за что бы не поверила в успех мероприятия. Но так как это было идеей Джей Си, я даже бровью не повела, когда сообщения со всей страны и немного из-за ее пределов стали приходить практически сразу и в приличных количествах. Мой друг оказался прав: огромное количество людей мечтало продвинуть свои небольшие городки и с удовольствием зазывало меня раскрыть секрет загадочно пропавшей с огорода кукурузы, многократных родов стерилизованной кошки и никогда не выходящей из дома соседской бабушки. Среди этих сообщений попадались и действительно интересные, леденящие кровь истории серийных или массовых убийств, которые, к сожалению, уже были совершенно точно разгаданы и растиражированы в СМИ. Да, на такой истории можно было бы построить неплохой роман, но душа просила настоящей тайны, нестандартной загадки, а главное, еще никем не раскрытой. А с этим дело обстояло совсем никак.

Тем не менее поток историй со всего света давал мне полное моральное право не делать ничего конкретного в поисках того самого щелчка, крика вселенной, который заставил бы меня перестать заниматься ерундой и заняться-таки делом. Каждая пауза между сообщениями вводила меня в уныние и зудела мыслью, что все это бесполезно, а каждое новое уведомление хоть и не внушало настоящей надежды, но позволяло имитировать бурную деятельность.

В день, когда появился белый конверт, не пришло ни одного нового сообщения, поэтому я придумала себе, что совершенно необходимо сходить за завтраком в кафе через два квартала, а потом в супермаркет в совершенно другую сторону. Когда все эти важные дела были завершены, а встреча с пустым экраном ноутбука снова стала неизбежной, я сделала отчаянный бросок к почтовому ящику, из которого торчали разноцветные уголки полиграфии, обещавшие мне примерно пятнадцатиминутное занятие их сортировкой.

Белый конверт был ни на что не похож: ни на счет, ни на рекламу. Он выглядел как самое настоящее послание для меня, которое требовалось прочесть немедленно. Попробовав безуспешно рассмотреть содержимое на свет, я поддела край конверта ножницами и достала сложенный листок бумаги. Он был таким же плотным, как конверт, и исписан красивым почерком теми же чернилами.

Вот, что там было:

«Дорогая мисс Стоун!

Если кто и сможет разобраться в происшествиях в нашей округе, то только вы. Полиция ни на что не способна и попросту игнорирует факты, которые кричат. Но обо всем по порядку.

Два года назад на Хэллоуин у одного из местных фермеров пропал сын. Ему было 17 лет, он ушел на вечеринку, и никто никогда его больше не видел. Мы искали его, сколько могли, но безуспешно. Не осталось и следа. Его так и не нашли.

В прошлом году в другой семье пропал ребенок. Мальчик 15 лет Микки Хит. Он был добрым, веселым, умным, заботливым мальчиком. Любил свою семью и друзей, внимательно относился к животным. Он ушел собирать сладости с другими детьми, пропал по дороге домой. Поиски ничего не дали, полиция не нашла ни одной улики, указывающей на то, что с ним случилось. Никто из его приятелей не мог сообщить ничего существенного. Даже место его пропажи не удалось выяснить наверняка. Он словно испарился. Словно его никогда не существовало. Его нет до сих пор. Но люди ведь не исчезают просто так, мисс? Где-то он обязательно есть.

Вы можете сказать, что эти два случая могут и не быть связаны, но они связаны, они точно связаны. Потому что и после исчезновения первого мальчика, Бобби Джентли, и после пропажи Микки их семьи получали письма. Эти письма были от Джинни Харди.

Вы, наверное, не слышали о Джинни Харди, но в наших краях это настоящая легенда. Много лет назад Джинни Харди, дочь местных богачей Харди, повесилась в своем доме. Там была какая-то сумасшедшая история, которую сейчас никто толком не помнит, но семья Харди тогда пошла под откос, а из Джинни Харди сделали местную страшилку. На Хэллоуин до сих пор наряжаются в Джинни Харди.

Вы, конечно, не поверите, но и Бобби, и Микки видели Джинни Харди накануне своего исчезновения. Поговорите с их родными, вы сами все узнаете. А на другой день после пропажи к ним домой приходили письма от Джинни Харди с ее стихами. То есть их отправляли еще до того, как они исчезли. Разве это не странное и страшное совпадение?

Родители парней убиты горем, но пытаются найти в себе силы жить дальше. Полиция все это не принимает всерьез, но вы, мисс, вы же не можете отрицать, что это необыкновенно и подозрительно?

Совсем скоро Хэллоуин, а в нашей деревне еще много детей. И за кем-то из них придет Джинни Харди. Если вы ее не остановите.

Вы тоже теряли близких. Вы поймете.

*С надеждой и большой верой в вас,
житель Холмсли Вейл».*

Я отложила лист в сторону. Письмо произвело на меня впечатление. Несмотря на то что оно было наивным и просторечным, в нем слышалась настоящая боль. Или мне так только казалось, а настроение навевали появляющиеся на улицах и витринах тут и там огромные глазастые тыквы, предвещающие веселый праздник, но на меня наводящие жуть и какую-то тоску.

История о призраке в наше время социальных сетей и виртуальных денег звучала анахронизмом и поневоле вызывала улыбку. Но тот, кто писал мне это письмо, был действительно напуган. Конечно, я ни на минуту не поверила в призрак Джинни Харди. Но факт исчезновения мальчиков оставался фактом. А значит, они где-то находились, пока их бедные мамы сходили с ума без них. Мне сложно было представить, что значит потерять ребенка, но от одной мысли об этом подступала тошнота ужаса. А если они мертвы, разве их близкие не должны, по меньшей мере, знать это наверняка? И что за история с Джинни Харди? Может, пора уже развенчать эти предрассудки? Вопросы накапливались в моей голове в геометрической прогрессии.

За последнее время я получала столько историй, которые словно проходили мимо меня. Но эта что-то тронула, надавила на нужные кнопки достаточно сильно, так, что, проведя небольшое интернет-исследование на фактические совпадения, я набрала Джей Си и сказала:

– Привет. Не радуйся слишком сильно, но, кажется, я нашла.

Глава вторая, в которой Джинни Харди оказывается ближе, чем казалось

Конечно, прежде чем пуститься навстречу приключениям, требовалось все тщательно проверить. Потому что совершенно обо всем, что было написано в письме, включая название Холмсли Вейл, я слышала впервые, и это очень даже могло быть обманом легковерной начинающей писательницы.

Разобраться во всем мог Джей Си, у него на это был невероятный талант. Ну и соответствующий навык, безусловно. Он с удовольствием взялся за поиск всего необходимого.

Прежде всего он нашел Холмсли Вейл. Под этим названием скрывалось деревенское поселение в глубине нашей страны. Джей Си предупредил, чтобы я позабыла обо всех прелестях большого города, вроде уютных кофеен и комплексных завтраков в любое время дня: на всю округу там оказалась одна гостиница, один ресторан и пара баров. Зато, конечно, имелись церковь, школа, библиотека, много магазинчиков, небольшой клуб и даже маленький и, по всей видимости, самодеятельный театр. Несмотря на довольно скромную инфраструктуру, Холмсли Вейл занимал огромную территорию, большую часть которой составляли поля. Глядя на его карту, я с легкостью поверила, что там можно запросто потеряться, даже удивительно, что люди начали это делать только сейчас.

Что же до описанных в письме пропаж, они тоже подтвердились. На едином портале поиска пропавших Джей Си быстро нашел и Роберта Джентли, и Майкла Хита. Со страниц ноутбука на меня смотрели симпатичные ребята, одетые, как обычные тинейджеры. Оба они улыбались на фото. Зачем только родители дают такие жизнерадостные снимки для поиска? Какова вероятность, что тот, кто найдет пропавшего ребенка, встретит его улыбающимся? Вопросы без ответов. Возможно, надеются, что сбежавший из дома ребенок увидит, каким счастливым был дома, и вернется. Или похититель увидит своих жертв не напуганными, а домашними и милыми, и это что-то изменит. Что я выяснила для себя из этих находок? Ребят не связывало практически ничего, кроме даты пропажи: они не были родственниками, не были друг на друга похожи. Последнее хоть немного, но отводило от мысли о серийном убийце, хотя двоих и без этого все еще сложно было назвать серией.

Микки выглядел очень юным: соломенные кудри, яркие голубые глаза, смущенная улыбка. На вид я не дала бы ему и тринадцати лет. Бобби же был крупным парнем с маленькими глазками и широкой, немного нагловатой улыбкой. Таким ребятам запросто продают выпивку в магазинах. Вот только в малонаселенном Холмсли Вейл с этим, наверное, было непросто: думаю, все там знали и сколько ему лет, и как зовут его отца.

Возможно, эти ребята и были знакомы, но дружить вряд ли могли бы. Бобби выглядел как уверенный парень, в то время как таких, как Микки, в мои школьные годы в лучшем случае запирали в туалете. Да и когда тебе четырнадцать лет, семнадцать кажется недостижимой зрелостью. Мне предстояло выяснить, связывало ли этих ребят хоть что-то еще.

Как говорил нам сайт, Бобби ушел с хэллоуинской вечеринки, проходящей в местном клубе, и больше его никто не видел. Микки же пропал по дороге домой. Разумеется, нигде не упоминалось о призраке Джинни Харди.

С этими Харди вообще было непросто. Джей Си смог найти только фамильный замок (не дом, не поместье, а именно замок) Харди, который, судя по картам, находился как раз в Холмсли Вейл, в частном владении семьи. От этого готическим духом повеяло сильно, а разобраться захотелось еще сильнее.

Запросы по имени Джинни Харди не дали никаких результатов. Ни через самоубийство, ни через повешение, никак. В каком-то смысле, она действительно пока была для нас призраком.

Единственной гостиницей в Холмсли Вейл оказался крохотный отель с ярким названием «Кабан и хряк». Джей Си не мог скрыть многочисленных усмешек, когда бронировал мне номер в нем. Комнату я заняла на две недели, чтобы точно застать Хэллоуин и немного после. Мой агент проглотил писк радости и умиления, когда я сказала, что уезжаю работать над новой историей для нового романа, и побежал писать и звонить об этом всем подряд.

Добираться предстояло тремя разными способами: самолетом, поездом и такси. Путь до Холмсли Вейл был таким долгим, как ни одно мое прошлое путешествие. Пока стук колес тщетно пытался меня убаюкать, я в очередной раз перечитывала письмо. Джей Си в него просто влюбился, даже упросил меня поместить его в рамке за стеклом в своем новом баре, когда все дело прояснится, а я напишу новый бестселлер. Он был так уверен в этом, а у меня колени тряслись от одной мысли, что меня заново будут оценивать с очень условной вероятностью на успех в итоге.

Мой первый роман родился как следствие моей собственной истории, которую раскапывала неизвестная и безымянная Маделин Стоун, скрывающаяся за псевдонимом, чтобы родственники и знакомые родителей ее не разоблачили. А сейчас в Холмсли Вейл ехала известная на всю страну писательница, о которой до сих пор выходили записанные пару месяцев назад статьи и телепередачи. И если в первый раз от неудачи своего предприятия я не теряла ничего, кроме душевного покоя, то в этом случае я ехала в историю, существующую здесь и сейчас, с посторонними и живыми людьми, чьи утраты были еще свежи. И я не могла им ничего гарантировать, только влезть в их жизнь бесцеремонно и без обещаний. Я имела для этого совершенно не шедший мне шлейф богатой и знаменитой, который bestолково волочился за мной и который я точно не смогла бы скрыть.

Чем больше я об этом думала, тем больше мне хотелось все бросить, выйти на первой же станции и даже, возможно, сбежать в стоящий в глуши родительский дом за огромным забором, где меня никто не смог бы достать. Но Джей Си неслучайно уболтал меня сразу же рассказать о цели моей поездки агенту и издателю: знал, что в противном случае я соскочу при первом же приближении сомнений. А теперь поворачивать было поздно и бессмысленно, я не могла себе этого позволить, это значило бы потерять лицо, которым я по не совсем ясным мне причинам особенно дорожила.

Джей Си позаботился о том, чтобы таксист встретил меня на перроне, и мой чемодан закрутил колесиками по небольшому вокзалу. Водитель сказал, что дорога займет примерно сорок минут, и предложил расположиться на заднем сиденье и подремать это время, если мне хочется. По правде говоря, мне уже хотелось вытянуть ноги на кровати без каких-либо перемещений. Устала я зверски. За окном стелился вечерний туман, местами подсвеченный фонарями. Рассмотреть что-либо было практически нереально.

Отчасти от скуки, отчасти от того, что хотелось уже отчитаться перед Джей Си, что я не трусиха и что-то делаю, спросила водителя:

– А вы живете где-то поблизости?

– Поблизости от станции, мисс, да, – с улыбкой ответил он.

– Наверное, вам часто задают этот вопрос приезжие, – манерно смущаясь продолжила я, – но вы видели призрак Джинни Харди?

Кажется, этот вопрос немного ввел его в замешательство.

– Призрак Джинни Харди, мисс? Я знаю мистера Генри Харди, хозяина замка Харди. Но он жив, точно жив, я иногда вожу его в город, если он планирует ходить там в рестораны. А никакой Джинни Харди я не знаю, извините. А что за призрак? – добавил он уже с любопытством.

Я была разочарована. Может, все это ерунда, и никакой мистической тайны и в помине нет. Хотя, с другой стороны, водитель и не жил в Холмсли Вейл, так что вполне мог об этом не слышать, все же путь неблизкий, а коммуникация здесь стремится к никакой. И если он живет здесь недавно, может, старые деревенские байки и не дошли до него.

– Да так, ерунда, не берите в голову, местная легенда. Может, расскажу на обратном пути.

И я продолжила пялиться в сгущающуюся мглу, пока она не стала ночной, а машина не начала перекатываться по брусчатке. Скоро мы остановились у небольшого двухэтажного дома, все окна в котором горели. Над дверью красовались две огромные морды, повернутые друг к другу пяточками. Чтобы не оставалось сомнений, сверху было написано «Кабан и хряк», а ниже чуть мельче «паб». Никаких указаний на отель, но других «Кабанов и хряков» в Холмсли Вейл не было, как меня заверил водитель. Все пространство вокруг дома утопало в густом молочном тумане и совершенно глухой тишине. От этого дом казался рождественской фигуркой под елку, ведь, несмотря на яркое освещение, звуков из него не доносилось никаких.

Водитель помог мне с чемоданом, и мы зашли внутрь. Первый этаж отеля занимал паб. Не бар, а именно паб, потому что пивной дух немедленно просочился прямо в корни моих волос. На удивление, заведение было абсолютно заполненным: за каждым столом сидело минимум трое мужчин, кое-где мелькали и женщины. За стойкой стояли высокий бородатый детина, похожий на финского лесоруба, и стройная симпатичная девушка с длинными струящимися волосами, уходящими далеко вниз за пределы видимости.

Как только мы с таксистом вошли, все лица сразу же повернулись в нашу сторону, и воцарилось молчание. Я неловко улыбнулась, подошла к стойке и негромко обратилась к бармену:

– Добрый вечер! – в наступившей тишине было слышно каждое мое слово. – Я бронировала номер...

– А, – понимающе закивал он, продолжая вытирать полотенцем стакан, – наша городская гостя. Конечно, конечно, все готово. Рита, – обратился он к длинноволосой девушке, – проводи мисс Стоун.

Рита с бесстрастным лицом двинулась по лестнице рядом со стойкой. Таксист с моим чемоданом в руках проследовал за ней на второй этаж, получил чаевые и буквально скрылся в тумане Холмсли Вейл.

На втором этаже в очень узком коридоре обнаружили три двери, одну из которых Рита открыла и протянула руку приглашающим жестом. Комната оказалась довольно большая, уютная и по-деревенски теплая, с деревянными балками под потолком и стеганым одеялом на широкой кровати. Меньше всего она походила на номер в отеле, но, судя по всему, отель мне здесь и не предлагали.

Рита распахнула дверь в ванную, которая оказалась тоже на удивление большой и современной. За все это время моя провожатая не произнесла ни слова и, как только убедилась, что я не спутаю дверь в ванную с оконной рамой, ушла так же беззвучно и не глядя мне в глаза.

Я быстро разобрала вещи, привела себя в порядок, переоделась в огромный белый свитер и джинсы (мне показалось, что лучше показать себя местным жителям без моего обычного богемного стиля) и спустилась в паб. Есть хотелось невероятно, и мечта о чашке хрестоматийного деревенского супа поглощала все мое сознание.

Мое второе появление в зале уже не произвело былого впечатления: посетители обернулись на меня и продолжили свои разговоры дальше, лишь хихикая чуть громче, чем следовало, над моим белоснежным нарядом. Обсудить меня первый раз уже успели, видимо, пока я была наверху.

Свободных мест за столиками не оказалось, поэтому я забралась на барный стул и спросила меню. Его в природе не существовало. Бармен, он же хозяин «Кабана и хряка», Джордж, сказал, что может налить мне пива. Из еды в наличии были соленые орешки. Зато их мне предложили бесплатно и в неограниченном количестве. Сошлись на большой чашке чаю и прилич-

ном завтраке завтра. Рита без особого энтузиазма ушла в глубины под лестницей, чтобы заварить «Эрл Грей» мне и Джорджу.

Когда чашки, больше похожие на средних размеров кастрюли, все же появились, а хозяин налил всем желающим пива и отправил с кружками Риту за столики, мы разговорились.

Девушка-молчунья была племянницей Джорджа. Говорить она все же умела, но, видимо, не то, что надо, потому что летом завалила экзамены в колледже и с треском из него вылетела. Стыд не позволял ей вернуться домой к родителям в деревню в паре часов езды отсюда, поэтому она умолила Джорджа позволить пожить у него и поработать в баре. Так они и жили вдвоем, изредка, а если по правде, то и почти никогда не пуская в третью комнату постояльцев. И когда Джей Си обратился к ним с целью выяснить, примут ли меня на пару недель, Джордж, конечно, первым делом выяснил, кто я такая. «Кабан и хряк» был одним из немногих мест в Холмсли Вейл с вяленьким интернетом, поэтому к моменту моего приезда и Джордж, и Рита начитались обо мне и о моем литературном творчестве.

В Холмсли Вейл действительно не было отеля, потому что ни у кого не возникало желания посещать его с ночевкой, не имея в округе родственников или друзей. Я зацепилась за эту мысль, как за удобный повод подойти к цели моего визита.

– Это из-за призрака Джинни Харди никто не ездит в Холмсли Вейл?

Джордж на секунду застыл, но тут же пришел в себя и с улыбкой ответил:

– Что? Призрак Джинни Харди? Ну и фантазеры вы, писатели. Да с чего бы к нам ездить? Здесь ничего интересного нет, нарочно не поедешь. Из соседних деревень люди иногда приезжают в театр или в клуб, но ночевать здесь редко остаются.

Он помолчал несколько секунд.

– А вы неплохо знаете наши места, мисс, – с хитрым прищуром добавил Джордж. – Неужели и в большие города слава Холмсли Вейл дошла?

Нет, не он писал мне то письмо, убедилась я. Ну или «Оскар» за актерские заслуги раздают не тем людям.

– Да не то чтобы, как раз наоборот: все, что я знаю о Джинни Харди, это то, что она из Холмсли Вейл и с ней связана какая-то мистическая история, случившаяся миллион лет назад...

– Или, например, двадцать лет назад, – довольно поправил меня Джордж.

– Двадцать? – я не верила своим ушам. – То есть это случилось в двадцать первом веке?

– А что случилось-то, мисс? – продолжал выведывать все мои вводные Джордж.

Я включила свою самую обезоруживающую улыбку, которая предательски вышла извиняющейся:

– Вы меня поймали! – развела я руками, сдаваясь. – А расскажете, что случилось, Джордж?

Он разложил свои огромные ручки на стойке и доверительно нагнулся ко мне:

– Я бы хотел рассказать какую-нибудь удивительную историю, которая благодаря вам прославилась бы Холмсли Вейл. Но все дело в том, что никакой истории нет...

Я внутренне похолодела: «Издатель будет просто в ярости...».

– Никаких призраков и родового проклятия Харди...

«Агент покончит с собой, он взял какой-то дикий кредит...»

– Никаких сенсационных рассказов.

«Джей Си примется меня жалеть. Дядя Том вернется из путешествия, чтобы меня утешать. Я закопаюсь от стыда головой в песок на своем маленьком кусочке пляжа».

– Но ведь Джинни Харди есть? – остатками голоса спросила я.

– Джинни Харди была, – с ударением на последнем слове услышала я резкий громкий голос. – А призрак Джинни Харди есть.

Голос принадлежал Рите, стоящей рядом со мной с пустыми пивными кружками и сверлящей меня ненавидящим взглядом.

– Помой посуду, Рита, кружки закончились, – сказал Джордж.

Ушла она с явной неохотой.

Джордж выждал паузу и продолжил:

– Конечно, она была. Как и вся ее семья. Харди принадлежит практически вся земля в Холмсли Вейл, почти все здесь живут в аренду уже много поколений. Но Харди никогда никого не выгоняли, даже за неуплату. Но и особой любви к ним не испытывают: кто же богачей любит. Живут в своем замке, смотрят на всех сверху вниз, – он опустил глаза. – Но с Джинни Харди было все иначе. Она была очень красивой и милой девочкой. Талантливой. Парни влюблялись в нее, но не смели ухаживать: она же Харди. Но она ходила в ту же школу, что и все мы. Писала стихи и песни. Играла в нашем местном театре. Словом, всем нравилась Джинни. Ну и однажды что-то случилось. И никто не знает что. Вроде бы все было, как всегда, но под Рождество Джинни повесилась в ночнушке с огромным кровавым пятном на животе прямо на лестнице в своем родном доме.

– Ее убили? – сдавленно спросила я.

– Так казалось, – ответил Джордж, – но нет. Она повесилась сама. И раны перед повешением нанесла себе сама. Написала жуткие стихи и повесила себе на грудь. И сиганула с лестницы с петлей на шее.

Воображение рисовало мне страшную картину. Джордж помолчал, задумавшись, отпил из чашки.

– Конечно, это вызвало шумиху, полдня искали того, кто это сделал, прежде чем профессионалы городские уверенно заявили, что она сама это сделала. В доме в тот день никого не было: родители ездили с братом Джинни в город к врачу. Произошедшее потрясло Холмсли Вейл, но больше всего, конечно, самих Харди. Мать помутилась разумом, несла что-то бессвязно постоянно. Отец замкнулся в себе, он в Джинни души не чаял. Да как и все... Словом, все было не ясно и жутко. А потом и сам папаша Харди застрелился, не вынеся горя. Мать совсем свихнулась. Сейчас она вроде в каком-то элитном дурдоме, который оплачивает каждый фермер округи. Остался только Генри. Он так и живет в замке Харди, представляете? В доме, где самоубились отец и сестра. Не женился за эти годы, ничего. Отшельничает там в своем загнивающем и рушащемся лепрозории.

Он снова задумался, вспоминая всю историю.

– Это сильно сказалось на Холмсли Вейл? – участливо спросила я.

– Если честно, не особенно, – Джордж пожал плечами. – Мы и раньше жили закрыто, своей общиной. Да, какое-то время все обсуждали только Харди, но ведь убийств не было, так что все просто решили, что это чокнутая семейка, отгородились от них еще больше, и продолжили жить дальше. А на следующий год на Хэллоуин кто-то из девиц нарядился в ночнушку с красным пятном, и понеслось, другие подхватили. Самый популярный костюм стал со временем – дешево и продуктивно.

– А не боялись оскорбить этим Генри Харди?

– Да откуда бы он узнал? Он же не проводит время с фермерами, не гуляет на наших вечеринках. Впоследствии, может, видел у кого-нибудь фотографии на фейсбуке. Но сейчас эта история уже так быльем поросла, что никто из современных девчонок уже и не скажет, что там случилось с Джинни Харди, хоть и будет в ночнушке гулять всю ночь.

– Вы знали лично Джинни Харди? Дружили с ней? – поинтересовалась я.

Джордж, казалось, замялся:

– Я тогда с отцом работал в баре, а не о девчонках думал. Да и Джинни была маленькой еще. Когда тебе восемнадцать, пятнадцатилетние кажутся девчонками совсем.

– Она покончила с собой в пятнадцать лет? – потрясенно сказала я.

– Да, совсем малышка, – кивнул Джордж. – Она и ростом была небольшая. Но при этом говорила, как взрослая, стихи писала не как ребенок, а серьезные, как настоящие поэты. Родители выпустили ее первый сборник, когда ей исполнилось двенадцать, он есть у каждого в доме. Местные на свадьбу используют пару ее стихов вместо клятв.

– А вы тоже? – с улыбкой задала я косвенно бестактный вопрос.

– Да как-то руки не дошли жениться, – улыбнулся Джордж, вытирая полотенцем огромные ручки.

– Так что за история с призраком? – вернулась я к основной теме, как только он снова расслабился.

Джордж скептически закатил глаза:

– Это все молодежь развлекается. Носятся в этих костюмах, а потом начинают говорить, что видели не переодетую соседку, а настоящий призрак Джинни. Только никто из тех, кто его якобы встречал, никогда в глаза не видел настоящую Джинни Харди – их тогда и на свете-то еще не было.

Я не знала, как перевести разговор с призрака на пропавших ребят, не выдавая моего доброжелателя с письмом, поэтому зацепилась за то, что было ближе всего.

– Как думаете, в этом году девушки тоже будут ходить на Хэллоуин, изображая Джинни Харди?

Джордж нахмурился.

– Не думаю, что многие так поступят на этот раз.

– Почему? Уже не так интересно?

– Да нет. В основном из-за ребят этих, Джентли и Хита. Вы же из-за этого приехали, да? Я опустила глаза в чашку.

– Почему вы так решили?

– Ну, я же деревенщина, а не дурак, мисс, – продолжил он, ухмыльнувшись. – С историей Джинни Харди вы на пару десятков лет припоздали. А вот о мальчишках снова заговорили, как только все начали в тыквах глаза вырезать.

– То есть вы тоже считаете, что исчезновение ребят связано с призраком Джинни Харди?

Джордж скрестил руки на груди и посмотрел на меня сверху вниз.

– Нет, я так не считаю, мисс Стоун. Я считаю, что Джинни умерла много лет назад, но кто-то использует память о ней, чтобы убивать детей.

– Считаете, они убиты?

Джордж грустно улыбнулся моей наивности.

– Походите по округе завтра, мисс. И если найдете место, где еще не проходила по несколько раз пара десятков человек, чтобы найти их, расскажите, может, вы их и обнаружите. Только такого места нет. Даже если они не умерли сразу, сейчас их точно нет в живых.

Глава третья, в которой я узнаю о пропаже мальчиков чуть больше и слушаю стихи

Невероятно, но тишина тоже может быть оглушающей. И угнетающей до желания волком выть.

Бар скоро закрылся, я ушла в свою комнату и через несколько минут услышала, как по своим разбрелись Джордж и Рита. Телевизора у меня не было, окно показывало молочную сладкую вату, а мой телефон – отсутствие связи. В баре интернет ловил, и я написала Джей Си, что добралась и пока не встретила ни одного призрака. Он ответил словами поддержки, которых я не запомнила, потому что он также приложил фотографию ночного города, сделанную через витрину бара. В стекле отражались бочка с двумя бокалами и пара женских кроссовок на полу. Мне неудержимо захотелось домой, в свой большой дом недалеко от моря, укутать ноги пледом, и чтобы все оставили меня в покое. Но усталость все же победила меня, и я отключилась.

Утро началось вместе с перемещениями по дому моих хозяев. Очевидно, что с постояльцами они не особенно церемонились, потому что их короткие, но вполне звучные переговоры о том, что нужно докупить, что сделать и прочие организационные моменты проходили без малейшего снижения тона. Темно-молочный ночной туман за окном сменился бледно-серым, стало видно брусчатку перед домом и даже несколько домов напротив. Все они были сказочно-классическими, как будто сделанными нарочно для туристов: небольшими, но симпатичными, неброскими, но привлекательными.

Узкий, а оттого кажущийся высоким двухэтажный голубой дом, зажатый между пекарней и обувной мастерской, привлек мое особое внимание: на нем была вывеска с катушкой ниток и надписью: «Пошив и ремонт одежды Мэгги Хит». В деревне это, конечно, ничего могло не значить: наверняка тут все уже сто раз переженились, все родственники, да и фамилия Хит не самая редкая. Но упускать возможность посетить семью второго пропавшего мальчика я не собиралась и свое исследование местности решила начать именно с этой мастерской.

Я успела быстренько привести себя в порядок, как раз к моменту, когда Рита позвала меня завтракать. Уничтожавший омлет Джордж тепло поприветствовал меня. Накрыли они на троих за одним из барных столов, что как-то сразу сделало меня гостьей семьи, а не человеком, снимающим комнату.

Джордж пребывал в благостном настроении, он беззлобно подкалывал Риту, а потом спросил, чем я планирую заняться.

– Сегодня, наверное, поброжу по окрестностям, поспрашиваю там-сям, – туманно ответила я.

– О чем поспрашиваете? – настороженно спросил Джордж.

Я решила добавить немного серьезности своему положению. Мысль о том, что все видят во мне несмышленную девчонку, не имеющую права что-то делать, глубоко сидела и процветала во мне. Но когда люди долго обращались ко мне свысока, рано или поздно (чаще, к сожалению, поздно) я теряла терпение.

– Джордж, – серьезно сказала я, – вы же сами все сказали еще вчера. Я действительно приехала, чтобы разобраться в деле пропавших мальчиков и выяснить, как это связано с Джинни Харди.

– Она их забрала, – чуть слышно прошелестела Рита, не отрывая взгляда от тарелки.

Я немедленно переключилась на нее:

– Почему вы так решили?

– Потому что сама не знает, что говорит, – повысил голос Джордж, сурово посмотрев на племянницу.

– Потому что это так, – ответила мне Рита, ни один мускул не дрогнул на ее лице.

– Выйди из-за стола, – спокойно проговорил Джордж, глядя в свою тарелку.

Рита резко подскочила с места, отчего ее чашка немедленно опрокинулась на бок. Остатки чая заливали стол, но никто не двинулся с места, чтобы это исправить, родственники сверлили друг друга глазами.

– Их украла Джинни Харди! Их украла Джинни Харди! Их украла Джинни Харди! – без остановки тараторила Рита в сторону Джорджа. – Мне лучше знать!

Она выдохнула, медленно вышла из-за стола и перед тем, как уйти, обернулась и с внезапной и пугающей меня улыбкой произнесла:

– И вы тоже узнаете. Вы в это поверите. Потому что сами увидите. Как и все. Как и Джордж. Он может говорить, что это не так. Но всегда и все было и осталось связано с Харди.

Рита ушла к себе в комнату. Джордж молча убрал со стола. А я приняла решение найти себе другое место, чтобы столоваться.

К моему выходу на улицу туман практически рассеялся, но утро выдалось серое и сырое. Воздух словно оседал на всем вокруг холодными чистыми каплями. Нацепив необъятную парку поверх голубого свитера и джинсов, я быстро перешла дорогу. На улице не было ни души.

За окном «Пошива и ремонта одежды Мэгги Хит» в окружении характерных обрывков ткани, катушек ниток и разбросанных хаотично и очень небезопасно игл вязала светловолосая женщина лет сорока. Рядом с ней, лишив возможности что-либо прострочить на машинке, спал огромный пятнистый котяра.

Табличка «открыто» была повернута к посетителям, но внутри царили такие мрак и умиротворение, что я не решилась сразу войти и постучала в стекло двери. Женщина с вязанием подняла глаза поверх очков и махнула в мою сторону рукой так, что я не поняла: уходить мне или, наоборот, не стесняться и войти. Настоящие исследователи не могут себе позволить стесняться, поэтому я вошла.

– Добрый день, – я включила самую доброжелательность, – миссис Хит?

– Да, я Мэри Хит, – сухим безжизненным голосом ответила женщина и протянула руку к швейной машинке, чтобы зажечь небольшую настольную лампу. Для вязания она ей, видимо, была не нужна.

«Мэри, а не Мэгги? – подумала я. – Что за дела? Это одно и то же имя?»

Увидев мое замешательство, женщина покивала головой:

– Да, Мэри. Мэгги – моя свекровь, это ее мастерская. Она приболела, лежит дома. А я сижу здесь и принимаю заказы, если они вдруг появятся. Что вам нужно починить?

Я замешкалась: нужно хотя бы на пару шагов продумывать свои действия. Даже не подумала порвать себе что-нибудь для удобного повода зайти. Да, скорее всего, это мама Микки, но не начинать же с этого вопроса в лоб.

– По правде говоря, ничего, – извиняюще улыбнулась я.

Мэри тут же потеряла интерес, но быстро вскинула на меня взгляд, когда я сказала:

– Но, может, вы могли бы уделить мне немного времени и поговорить?

– Вы журналистка? – от этих слов она словно стала еще более уставшей.

– Нет-нет, – поспешила заверить я, но тут же поняла, что в ее глазах не слишком отличаюсь от любителей жареных фактов. – Я писательница, меня зовут Маделин Стоун, возможно, вы слышали...

– Уходите, – Мэри снова опустила глаза на спицы и торопливо затрещала ими, через секунду выключив настольную лампу, тем самым давая понять, что разговор окончен.

Меня это, конечно, ни в коем случае не устраивало, но как настаивать на разговоре, я совершенно не представляла и медленно повернула к выходу, ругая себя за собственный непрофессионализм.

– Стервятники, – услышала я за спиной тихий, ненавидящий меня голос Мэри. – Чем больше чужое горе, тем больше у вас глаза горят, да?

С каждым словом я будто вращалась в землю на сантиметр.

– Чем больше мне, тем вам слаще, да?

Господи, как стыдно-то...

– Если бы моего мальчика нашли мертвым, вы бы радовались ему в сто раз больше, чем живому, верно?

На такую несправедливость я смолчать не могла даже в лицо самой несчастной матери на земле:

– Миссис Хит, вы не правы, – я быстро повернулась. – Я здесь не для того, чтобы повисить тираж моей газеты или собственную популярность: в этом не нуждаюсь, как и в деньгах...

Неожиданно для меня Мэри улыбнулась и перебила меня с явным удовольствием:

– И писать о Микки вы, конечно, тоже не собирались? А поговорить со мной решили просто в виде акта доброй воли? И даже принеслись из своего богатенького города и из своей богатой и знаменитой жизни, чтобы просто поговорить со мной, а потом нигде и никогда это не использовать, никогда об этом не написать? Я правильно говорю, мисс «как-вас-там»?

– Извините, – одними губами без звука пробормотала я и выскочила на улицу, чуть не сбив с ног девчонку, как раз входившую в мастерскую.

Суровый пейзаж показался мне милым и гостеприимным после приема миссис Хит, так что я медленно пошла вдоль улицы, кутаясь в парку. На улице по-прежнему никого не было, хотя в витринах магазинчиков и горел свет.

Я брела в неизвестном направлении и ругала себя беззвучно на чем свет стоит. На что я надеялась? Что пережившие такое несчастье, как потеря ребенка, люди с радостью примут меня в свои объятия и начнут делиться сокровенными переживаниями? Да они даже полицейским, наверное, не все говорили, с чего им со мной откровенничать? И куда теперь двигаться? Что делать?..

– Мисс Стоун? – услышала я за спиной голос Мэри Хит.

О нет. Сейчас меня по какой-нибудь древней местной традиции побьют камнями за мой слишком длинный любопытный нос.

– Мисс Маделин Стоун? – голос принадлежал Мэри, но в нем не было тех оглушающих ледяных нот, которые несколько минут назад обрушились на меня.

Я обернулась. Передо мной стояла девушка, с которой я столкнулась в дверях мастерской. Блондинка со светлыми глазами. Я не сомневалась, что с Мэри Хит они родственницы. Невысокий рост еще оставлял возможность называть ее девочкой, но серьезное лицо и умный взгляд говорили, что ей это уже до смерти надоело. Объемная стеганая куртка была распахнута, девушка, очевидно, какое-то время бежала за мной, возможно, сначала в другую сторону.

– Я Дилан, – представилась она, – мама сказала, что вы заходили. Хотели поговорить о Микки?

По тону ее голоса было не разобрать, злитесь она на меня за это, как мать, или просто запыхалась. Поэтому я неопределенно и немного опасливо помотала головой. Еще одного отчета от родственников объектов моего исследования мне хватило бы через край. Дилан понимающе закивала:

– Мама на вас накричала, наверное. Извините. Мы все еще не оправились после пропажи Микки. Мама все еще ждет его. Да и я тоже. А в прошлом году, когда все это случилось, журналисты вели себя очень грубо, так что... Она со всеми теперь так говорит.

– Понимаю, – проговорила я.

– Если хотите поговорить о Микки, я могу, – сказала Дилан с таким энтузиазмом, что было понятно: не только может, но и хочет. – Только, наверное, не в нашей мастерской. Может, я смогу уговорить маму чуть позже, но сейчас она слишком злится.

– Конечно, – поддержала я. – Где здесь можно посидеть и, может, угостить вас пирожным с горячим чаем?

Эта идея Дилан пришлась по душе.

До местного ресторанчика мы шли минут пятнадцать. Как сказала Дилан, в Холмсли Вейл мало людей, но много дорог, и все находится очень неблизко друг к другу. В пути она показывала мне местные достопримечательности, в основном делая отмашку в их сторону. Например, если повернуть в этот переулок и пройти минут десять, можно выйти к местной школе. А если пройти еще минут пятнадцать вниз по улице, а потом повернуть направо, неизбежно наткнетесь на церковь. Улица же, по которой мы шли, была очевидно торговой: мы прошли сырную и мясную лавки, рыбный магазинчик, небольшой стеклянный уголок с красивыми шляпками (я бы просто не смогла придумать, по какому случаю их можно было бы здесь надеть).

Наконец мы дошли до места назначения – двухэтажного белого домика с голубыми рамами и коричневой крышей. Вывеска гласила «Белый лебедь. Кафе и ресторан». В Холмсли Вейл точно любили животных.

Внутри «Белый лебедь» оказался уютным. От спартанского убранства «Кабана и хряка» его выгодно отличали белые скатерти.

В это раннее время в зале почти никого не было, поэтому мы с Дилан выбрали столик у окна, подальше от барной стойки и места скопления трех официантов в бордовых жилетах.

Стараясь не обращать внимания на поедающую меня глазами официантку, я заказала штрудель с мороженым и большой чайник чаю.

С формальностями было покончено, отвлекающие факторы остались на улице. Дилан заметно нервничала и ежилась в своей фиолетовой толстовке, сложив ладони в замок. Я достала блокнот, чтобы делать пометки при необходимости, и спросила, не против ли она, если я буду записывать наш разговор на диктофон. Она ответила, что не против, хотя занервничала еще сильнее.

– Дилан, – начала я, – неважно, о чем именно вы захотите рассказать или с чего именно начать, все это на ваше усмотрение.

Она кивнула и все же стеснительно попросила:

– Может, что-то спросите? Что именно рассказать, я даже не знаю...

– Конечно, – кивнула я. – Расскажите о Микки? Каким он был?

Дилан помрачнела, явно борясь с эмоциями.

– Он был... он и есть... – я прикусила язык. – Очень хороший. Добрый. Смешной. Мы были очень счастливы. Любил нашу собаку Дики, а она его любила. Всякие трюки с ней делал, мы даже что-то публиковали из них в Тик-токе, людям нравилось.

Я улыбнулась.

– У нас тут не много развлечений, – пожала плечами Дилан. – И друзей у Микки было не много. Курт и Билл, мальчишки из его класса, иногда приходили к нам, но ему больше нравилось проводить время одному. А мы с мамой все время говорили, чтобы он шел гулять, общаться с другими ребятами... Вот и в тот раз он пошел. Потому что все это делали. Потому что нужно быть как все, – голос Дилан начал срываться, – а он не был как все, он был лучше всех.

Она заплакала, я дала ей салфетку.

Нам принесли заказ, я попросила стакан воды для Дилан. У нашей официантки, девушки лет двадцати пяти, от любопытства дергался кончик носа, и она, не скрываясь, пялилась на нас. Я выразительно посмотрела на нее, и она буквально через силу ушла.

Дилан немного успокоилась, и я решила узнать поподробнее о прошлом Хэллоуине.

– Микки пошел собирать сладости с Куртом и Биллом?

– Да, – кивнула Дилан, – у нас все ходят. Я тоже ходила в тот вечер, но со своими подружками. Все в этот вечер бродят по улицам, никого не боясь. Ведь все у всех на виду.

Я задумалась, что проще всего пропасть именно в день, когда все у всех на виду. Когда ты видишься со всеми, но при этом не видишь никого конкретного. И, отвернувшись, можешь больше не увидеть кого-то, кто только что стоял возле тебя. Да и спрятаться проще всего на виду, как сделал тот, кто помог Микки пропасть.

– Когда вы начали искать Микки?

– Часов в одиннадцать. Я вернулась домой, а Микки еще нет. Мама позвонила родителям его друзей, но они уже давно были дома. В это время у нас кого-то встретить можно или здесь, или в баре Джорджа, или в клубе, где была вечеринка. И, конечно, Микки не могло быть там: это только для взрослых и старшеклассников.

Дилан смотрела в свой стакан, вспоминая тот вечер.

– Наверное, мама не стала бы так волноваться, если бы не прошлогодний случай с Бобби. А тут она сразу же пошла искать его на улицу, а меня оставила дома на случай, если Микки вернется. Ее не было очень долго, она, наверное, ужасно замерзла, но Микки не нашелся. Она выпила чаю и снова ушла. Мама словно знала, что нужно искать его сразу же, сейчас, пока еще есть время. Словно чувствовала, что он больше не вернется. Она спрашивала о Микки прохожих, но если его и встречали, то вместе с ребятами, еще до того, как они разошлись, – она вздохнула. – Утром мама позвонила в полицию. У нас мало что происходит, и участок совсем небольшой, но полицейские уже на первый день организовали поиски с добровольцами, потому что втроем, конечно, Холмсли Вейл можно долго обыскивать. Мы искали его, я даже не знаю, сколько дней, каждый день. Я перестала ходить в школу, а мама, кажется, перестала спать. Она была постоянно на взводе, а потом, на четвертый, кажется, день из нее словно выпустили воздух.

Я понимающе кивнула:

– Нервы и переутомление.

– Нет, – покачала головой Дилан, – это было письмо.

Я даже вздрогнула: не ожидала, что мы дойдем до Джинни Харди так быстро.

– Что за письмо?

Хоть я и подозревала, что мне написала Дилан, сама она этого еще никак не подтвердила, а в открытых источниках о письмах родителям пропавших мальчиков не было ни слова. В этот момент, мне казалось, девочка вот-вот признается.

– Это странно, и вы, наверное, не поверите, – начала она. – Но нам пришло письмо от Джинни Харди.

Она подняла на меня глаза, полные страха и отчаяния. Да, не так должен был вести себя тот, кто отправил мне письмо. Я же в ответ изобразила непонимание, хотя любопытство просто разрывало меня на части.

– Джинни Харди?

– А, ну да, – очевидно осознав, что переоценила меня, ответила Дилан, – вы не в курсе, наверное. В Холмсли Вейл была одна богатая семья, Харди. Они жили в большом доме, разводили там всяких лошадей и ждали, когда местные жители принесут им ежемесячную ренту. У них была дочка Джинни. И она себя порезала, а потом повесилась. Это, конечно, стало большим шоком для всех. Но с тех пор на Хэллоуин в Холмсли Вейл самый популярный костюм – Джинни Харди. Ну, не то чтобы популярный, но самый дешевый: распусти волосы, надень бабушкину ночнушку, плесни на нее варенье и – «сладость или гадость?».

– И как же вам могло прийти письмо от Джинни Харди? Кто-то подшутил?

Дилан снова отрицательно помотала головой:

– Нет, это было письмо со стихами. Обычный листок с напечатанными четверостишиями. Ни обратного адреса, ни подписи.

– Тогда почему вы решили, что это письмо от умершей много лет назад девушки? – скепсис в голосе мне скрыть не удалось.

Дилан устало вздохнула: я столько всего не понимала, столько очевидных для нее вещей нужно было мне объяснять.

– Наверное, я сначала расскажу то, что рассказал мне Микки перед тем, как исчез. Не знаю, в курсе ли вы, но у нас вечерами ужасные туманы, ничего не видно бывает на расстоянии руки. Мы к этому уже привыкли и неплохо ориентируемся, даже ночью, отлично слышим, если кто-то приближается к нам. И в вечер накануне Хэллоуина Микки шел от Курта, было около восьми, он услышал, что кто-то идет за ним, но, обернувшись, никого не увидел. А потом услышал голос. Голос девушки. Она звала его по имени, вкрадчиво, как в страшных сказках.

Дилан перешла на зловещий шепот:

– Ми-и-и-и-и-и-кки-и-и-и... Ми-и-и-и-и-и-кки-и-и...

Это было так в духе детских страшилок и самых классических фильмов ужасов, что я бы засмеялась, если бы не видела, что Дилан абсолютно серьезна и очень напугана.

– Это все еще мог быть кто-то из ваших знакомых, решивших подшутить над Микки, – я попыталась вернуть девочку в реальность.

– Вовсе нет! – воскликнула она. – Когда Микки обернулся на ее зов, он увидел ее: в белой ночнушке и огромной белой фате, которая закрывала ее почти полностью. Но у нее были голые руки и босые ноги, а вы попробуйте сейчас выйти на улицу босой! Вы обязательно простудитесь! И кто бы стал это делать, чтобы только напугать Микки? Ведь звали по имени именно его.

Дилан перевела дух и продолжила:

– Но если это все вас не убеждает, то вот что было еще. Когда Микки обернулся к Джинни Харди, она стала читать ему стих, странный, страшный, он его не запомнил, но там повторялись колокол, мельница и мед. Микки твердил эти слова, когда рассказывал мне о случившемся на следующий день, перед тем как идти собирать сладости. И еще Джинни Харди сказала, что заберет его. Я тогда не поверила ему, как и вы сейчас мне. Микки старше меня, и я решила, что он просто хочет меня напугать, Хэллоуин все-таки. Но он боялся, ему было очень страшно, я никогда его таким не видела. И все же он пошел с ребятами. И не вернулся домой.

Дилан отпила из стакана.

– Когда мы искали Микки первую пару дней, конечно, эта история про встреченный на улице призрак Джинни Харди напрочь вылетела из головы. Но потом, возвращаясь после очередного прочесывания леса, я увидела в нашем почтовом ящике конверт. Мы редко получаем почту, поэтому я, конечно, сразу его достала и открыла: я уже во всем надеялась найти новости о Микки. На конверте не было обратного адреса, а внутри лежал один листок с напечатанными стихами. Теми самыми стихами.

– Оно у вас? Это письмо? – я чувствовала, что голос у меня срывается: я погружалась в эту историю с головой.

– Нет, – помотала головой Дилан. – Кое-что еще случилось, и его у меня забрали. Но я хорошо его помню, стих совсем небольшой.

Она прикрыла глаза и стала декламировать нараспев строки, которые я слышала и видела потом столько раз:

Колокол, мельница, хлопковый мед.

Каждый когда-то навеки уйдет.

Колокол бил меня голосом стали,

Мельница с медом меня добивали.

Я уйду, но возьму их с собой,
Больше никто не узнает покой.

Дьявол смутится, а бог не поймет
Колокол, мельницу, хлопковый мед.

Стих был примитивный, но оттого обладал какой-то народной магией. Звучал как заклинание, заговор, колдовское внушение, простое, но казавшееся по-настоящему волшебным. Если ты впечатлительный подросток и услышишь такое от девушки в темном туманном переулке, согласишься во что угодно.

Но в этом стихе было то, что меня очень удивило. Назвать его выдающимся или талантливым язык не поворачивался. А ведь Джинни Харди считали, судя по всему, маленьким гением, неужели это действительно ее стихи? Я спросила об этом Дилан.

– Знаете, я то же самое сказала Микки, когда он начал говорить мне, что стих, который он услышал, был про колокола, и смерть, и какие-то ужасы. Это так не похоже на те стихи, которые все в округе знают с детства. Мы даже в школе проходим стихи Джинни Харди, ведь ее книжки выходили по всей стране. А этот стих совсем другой. Когда я увидела его в письме, сразу поняла, что именно это и слышала Микки накануне Хэллоуина, тогда-то я и вспомнила про его рассказ. Я показала письмо маме. И вот тут произошло то, что навсегда убедило меня, это были стихи Джинни Харди, и Микки украла Джинни. Как только мама прочитала письмо, она стала сама не своя. Выбежала из дома. Я пошла за ней и увидела, что она идет к дому Джентли. Это семья, в которой тоже пропал сын, но в позапрошлом году.

Я понимающе покивала.

– Мама постучала к ним, – продолжила Дилан. – А когда мистер Джентли открыл дверь, она сразу сказала: «Джинни пришла и за моим сыном, теперь она пришла за моим сыном!» И письмо ему показала. Он быстро ее впустил в дом и посмотрел вокруг, проверил, что маму никто не видел и не слышал, я только успела спрятаться за угол дома. Такой у него был вид... – Дилан нахмурила лоб, чтобы подобрать слово. – Как будто у них какой-то секрет. Как будто они заговорщики или типа того. Как в банде.

Я была озадачена:

– Почему ваша мама уверена, что это письмо от Джинни Харди?

– Я тоже была в шоке от того, что она сразу так решила и что сразу побежала к Джентли. Конечно, в Холмсли Вейл все друг друга знают, но мама никогда на моей памяти не общалась с Джентли. Ну, в смысле, мы не дружили, в гости друг к другу не ходили. Бобби, их сын, который пропал, был намного старше и Микки, и тем более меня, так что мы никогда не общались – о чем нам говорить. Когда Бобби пропал, его искали все, конечно, и мы тоже. Ходили по лесам и полям, заглядывали в сады. Но с его родителями не сближались. У Джентли большая ферма, хозяйство, а мои мама и бабушка рукодельничают, так что и у родителей тоже мало общего. Папа утонул на рыбалке, я его совсем не помню... Но все-таки мама пошла к мистеру Джентли так смело, так по-простому, что я готова поклясться: они очень хорошо друг друга знают. И они точно что-то скрывают.

Наша официантка и ее любопытный нос возникли возле нас и заинтересовались, планируем ли мы заказывать что-то еще. В абсолютно пустом ресторанчике это, видимо, было очень принципиально. Чтобы она удалилась, я повторила предыдущий заказ, и явно не удовлетворенная этим девушка уплыла на кухню.

– Вы говорили об этом с мамой? – спросила я, когда мы с Дилан снова остались одни.

– Сначала я не хотела признаваться, что следила за ней. Но ее поведение было таким необычным, что сразу же, как только она вернулась домой, я спросила, что она делала у

Джентли. Мама очень удивилась и, как мне тогда показалось, испугалась. Она сказала, что, когда пропал Бобби, его родители тоже получили такие стихи. И что полицейские уже спрашивали ее, не получали ли мы писем. Я спросила, откуда она знает, что письмо именно от Джинни, ведь оно не подписано. Тогда она ответила, что родители Бобби говорили, что он тоже встретил Джинни Харди перед тем, как пропал. И тоже говорил про этот стих. А потом они получили письмо. И на их конверте, и на нашем стоял штемпель с датой накануне Хэллоуина. То есть оба письма были отправлены до того, как ребята исчезли.

У меня на затылке зашевелились волосы, и, видимо, мое лицо не скрывало впечатления от этой истории. Дилан наконец была довольна тем, что стала для меня убедительной.

– Теперь видите, – сказала она. – Тот, кто их забрал, знал наверняка, кто и когда пропадет. Выбрал их, выследил и забрал. И еще посмеялся над их бедными мамами, отправил эти страшные письма. И Джинни Харди. Все это связано с Джинни Харди.

Глава четвертая, в которой я пропадаю

Дилан должна была вернуться в мастерскую к маме, а потому она оставила меня наедине с собственными мыслями и отчаянием официантки, осознавшей, что большие заказы теперь вряд ли последуют.

Мне о многом хотелось рассказать Джей Си, но телефон предательски отказывался работать в этом мрачном месте, а в «Кабана и хряка» возвращаться ужасно не хотелось. Время шло к обеду, но мысли о еде в голову не приходили: желудок переполняла пара чайников чаю в компании Дилан. За окном сквозь облачность проглядывало некоторое подобие солнца, так что я решила, что, пока на улице светло и не разгуливают призраки свихнувшихся девиц, можно попробовать влезть без приглашения еще в одну семью.

Прежде чем отправиться сюда, я мало раздумывала о том, насколько легко люди будут делиться со мной болью от открытых ран. Я допустила стратегическую ошибку, на которую немедленно указала Мэри Хит. С первой книгой было совсем другое дело. Во-первых, она напрямую касалась моих родителей, буквально крутилась вокруг них, что предоставляло моральное право задавать абсолютно любые вопросы, чем я и пользовалась. А во-вторых, то, что случилось с моими мамой и папой, случилось так давно, что, несмотря на всю трагичность событий, потеряло накал за двадцать с лишним лет. То же самое происходило сейчас и с разговорами в Холмсли Вейл: насколько легко его жители были готовы говорить о жутковатом самоубийстве пятнадцатилетней девочки, настолько же их пугало исчезновение двоих парней.

Эти факты навели меня на мысль, которая наверняка пришла бы в голову Джей Си: я решила не спрашивать людей о пропавших Бобби и Микки, не привязываться к призраку и приближающемуся семимильными шагами Хэллоину, идти не от ребят к призраку, а от призрака – к ребятам. Иными словами, говорить всем, что я решила написать об истории Джинни Харди, а через нее потихоньку писать о современных событиях.

Несмотря на то что я та еще королева драмы и запудрить мне мозги могут даже продавцы воздуха на улице, история с призраком казалась мне полнейшей ерундой. Нет, я верила в ее потенциал для книги, но не в саму прозрачную девушку, парящую в воздухе и уводящую за собой зазевавшихся тинейджеров. Я допускала, что Микки встретил кого-то в традиционном для Джинни Харди костюме, а воображение дорисовало ему остальное (например, босые ноги, одна мысль о которых в этом холоде вызывала у меня дрожь). Даже надевая на голову фата, обязательность которой у Джинни мне не терпелось выяснить, шла только на руку тому, кто прятался за костюмом привидения. Надень фату, зашепчи проникновенно в вечернем тумане, и готово – вы восхитительны, парнишка напуган. Где гарантия того, что то же самое в вечер накануне Хэллоуина какая-нибудь деревенская хулиганка не проделывала с половиной местных школьников? Чего проще в местечке, где все друг друга знают, позвать Микки по имени? Это же можно было проделать и с Бобби.

А стихи? Ну, что тут скажешь. Стихи пока никуда не ложились. А меньше всего они ложились самой Джинни, которая просто не могла написать такую тарабарщину. Образ ее становился все более противоречивым и, чего скрывать, более интересным с точки зрения нового романа, чем пара подростков, которых по-своему было, конечно, жалко, но никто из них пока не обзавелся собственным призраком, а потому не выглядел так интригующе, как бы цинично это не звучало.

Поэтому наведаться в дом, где призрак начал свой путь, стало делом первой необходимости. Разумеется, невозможно прикидываться, что пишешь о Харди и при этом не общаться с самими Харди. Точнее, с последним представителем рода. Сведения о нем пока были довольно скудными: я знала, что ему тридцать восемь, живет он один в своем фамильном замке, до которого, по словам Дилан, идти минут сорок пешком. Насколько он бывает рад появлению незна-

ных гостей, было совершенно не ясно. Потому что все, что я слышала до сих пор, касалось либо его сестры, либо пропавших ребят, либо мистики, которая меня начинала уже больше раздражать, чем вдохновлять.

Дилан нарисовала мне небольшую карту, на которой обозначила «Кабана и хряка», замок Харди, свой собственный дом, ферму Джентли, ресторан «Белый лебедь», персонал которого ожидал щедрые чаевые с заделом на будущее, церковь и школу, а также клуб, где на Хэллоуин состоится вечеринка, несмотря ни на что: местные жители пытались мыслить разумно и не связывать праздник и пропажу ребят. У меня были все шансы не заблудиться, следуя указаниям моей новой подруги, а потому я решила не терять времени и отправиться напрямик в замок Харди.

Улицы Холмсли Вейл были безлюдными и серыми, как в «Сайлент Хилл». Из-за пасмурной погоды даже в час дня кое-где уже зажигали свет. Дилан говорила, что летом и даже зимой здесь не так жутко, но сейчас в это верилось слабо.

Встречавшиеся иногда местные, не стесняясь, осматривали меня с головы до ног, а моя приветливая улыбка не находила у них адекватного отклика. Отчасти я их понимала: в этих местах незнакомка, тем более городская, означала какие-то неприятности – полицию или надоедливых журналистов. Они почти не ошиблись: я была надоедливой писательницей, которая решила, что если один человек в округе счел мое вмешательство отличной идеей, то и у всех остальных будет такое же мнение.

По всем признакам, чем ближе становился замок Харди, тем более редкими были постройки. В конце концов я вышла на широкую дорогу без облагороженных тротуаров. По краям ее, широко раскинув ветвистые и почти голые лапы, стояли роскошные, вероятно, летом деревья. Воздух был тихим до звона, так что любой звук птичьих крыльев или лап зверей где-то, казалось, совсем близко, заставлял меня вздрагивать. Про себя я твердо решила, что как бы ни сложился разговор в замке Харди, свернуть его придется довольно быстро: в темноте возвращаться той же самой дорогой одной очень не хотелось.

Чтобы не упасть на не самой приспособленной для прогулок дороге, приходилось постоянно смотреть себе под ноги. Поэтому возникший прямо перед ними бетонный фонтан чуть не принял меня в свои объятия.

– Осторожно! – услышала я за мгновение до того, как впечаталась коленом в бортик.

Фонтан был красивым, не очень большим, с широкой чашей на постаменте с такими же бетонными, как все остальное, фруктами в центре. В это время года он не работал и дно его закрывали умирающие листья разных оттенков.

Потирая коленку, я огляделась в поисках того, кто пытался предотвратить мою попытку самоуничтожения, но никого не было видно. Зато я увидела наконец замок Харди. Иногда так в мультфильмах показывают: кто-то идет, глядя себе под ноги, и останавливается только тогда, когда спотыкается о носок ботинка кого-то огромного. Так случилось и со мной: чтобы рассмотреть замок Харди до самой верхней из его многочисленных башенок, мне пришлось сделать несколько шагов назад, где я и застыла, совершенно потеряв способность двигаться или как-то еще действовать.

Никак иначе, кроме как замком, нельзя было назвать это стройное, острое, шипастое, игольчатое, ошетилившееся готическое здание из темно-серого влажного кирпича. Наверное, архитектор создавал его эскиз именно осенью, потому что ничто другое не смотрелось бы настолько органично в этих промозглых пейзажах. Дом был абсолютно несимметричный, словно за годы своего существования претерпел дополнения от каждого нового хозяина, который считал своим долгом наклепать на него очередную башенку или эркерное окно. Частично его обвивали какие-то змееподобные растения, сейчас увядшие и потемневшие. В комплекте с пустующим фонтаном, казавшимся рядом с домом-гигантом мельницей, серыми, неухожен-

ными окнами, на большинстве из которых не было штор, замок выглядел заброшенным. Не верилось, что в нем жил совсем нестарый еще человек, а не кентервильское привидение.

Тот, кто пытался меня предупредить, упорно не показывался, так что я подошла к входу. У монументальной двери висела массивная гранитная доска с надписью, к которой местами пристали мокрые бурые листья. Я сбросила пару из них и прочла: «В этом доме прожила короткую, но счастливую жизнь Вирджиния Грейс Харди. Талантливая поэтесса, светлая душа, любимая дочь и сестра».

Под надписью был выгравирован небольшой схематический профиль: голова девушки, в ее перекинутую вперед косу вплетены цветы. Так вот, значит, как полностью ее звали. Красивое и сильное имя. Интересно, была ли она такой. Стоило скорее узнать чуть больше и хотя бы увидеть фото.

На двери, отделяющей меня от места гибели Джинни Харди, висело массивное металлическое кольцо. Не сумев оторвать его от двери, я постучала кулаком так сильно, как смогла, но у меня в ушах это прозвучало, как топот мышиных лапок по паркету.

Дверь открылась на удивление быстро, словно кто-то только и ждал, пока я совершу нелепые и бессмысленные манипуляции с кольцом. Я увидела этого кого-то и моментально пропала.

Знаю, как все это мелодраматично звучит, и сотни раз, увидев что-то подобное в кино или книге, я закатывала глаза от того, что можно потерять голову, только встретив человека. И этого никогда в жизни не понять, если вы не теряли дар речи, встретившись с кем-то взглядом.

Если бы в тот момент меня спросили, как он выглядит, я отвечала бы оборотами типа «как бог», «как суперзвезда», «как совершенство». Но, к счастью, я пишу эти слова, уже в значительной степени придя в себя. И теперь, если быть беспристрастной, на пороге замка Харди меня встретил лишь фантастически привлекательный мужчина: достаточно, но не слишком высокий, стройный, но не худой, с широкой грудью и сильными руками под свитером, но явно не качок, с аккуратной бородой и сияющими глазами.

Но больше всего меня поразила его улыбка, а если быть до конца честной, само ее наличие. Я поймала себя на мысли, что с моего приезда в Холмсли Вейл если и встречала улыбки, то рабоче-вымученные, а не добрые и искренние, как эта. На нее невозможно было не откликнуться, что я немедленно и сделала.

– Добрый день! – проговорила я одним из своих самых дурацких голосов, которые включаются у меня в неловких ситуациях.

– Сильно ушиблись? – спросил он, кивнув на фонтан.

Я пожалала плечами, пытаюсь сказать: «Ерунда, ничего особенного», но, скорее, это выглядело как: «Понятия не имею». Почти скрытый смешок в бороду и приглашение войти.

Когда дверь за мной закрылась, мужчина протянул мне руку и наконец представился:

– Генри Харди. Хотя вы, наверное, уже догадались.

Он улыбнулся снова обезоруживающе совершенно. А то, что выглядел он непринужденно в этом потрясающем замке, делало его еще обаятельнее.

– Маделин Стоун, – я тоже представилась с фамилией, хотя в прихожей этого дома хотелось добавить еще несколько званий, как у Дейенерис Таргариен.

Насколько снаружи замок выглядел холодным, неудобным и нежилым, настолько же мягким и теплым он казался внутри. Позже Генри скажет, что это оттого, что я тогда замерзла, а в доме ничего особенного, но нет. Он был настоящей викторианской сказкой: деревянные полы и лестницы, накрытые вишневыми с рисунками коврами, огромные часы, которые тикали одновременно в нескольких помещениях. Необъятных размеров холл показывал высоченные лестницы и переходы с перилами, которые уходили куда-то в темноту потолка центральной башни. Повсюду хаотично, но при этом с каким-то особенным порядком были развешаны картины и расставлены крошечные столики, банкетки, кресла, настольные и напольные вазы, статуэтки из различных материалов, цветы, живые и нет, стойка для зонтиков-тростей, бесконечные шка-

тулки, большие и маленькие зеркала, множество комодов, с запертыми наглухо выдвижными ящиками.

Я так и зависла, рассматривая все это, как турист в кафедральном соборе. Генри не торопил меня, хотя через пару минут спросил:

– Мисс Стоун, я нечасто встречаю гостей, тем не менее могу ли узнать цель вашего визита?

Он как будто создан был, чтобы я чувствовала себя нелепой.

– Да-да, конечно! Мистер Харди...

– Генри, – поправил он меня.

– Генри, – кивнула я так радостно, словно он пригласил меня пожить в своем потрясающем доме. – Я...

И тут же я поняла, что мой повод прийти и познакомиться с ним немедленно может разрушить всю магию, которая уже расправляла плечи в моем сознании.

Генри устало улыбнулся:

– Вы журналистка, мисс Стоун?

– Нет-нет-нет! – горячо запротестовала я. – Я... писательница.

Он устало закрыл глаза.

– Прошу, выслушайте, – заторопилась я. – Я не планирую как-то очернять вас или вашу семью...

– Это и невозможно, мисс, – в очередной раз перебил меня он.

Я грустно оперлась о ближайшую стройную деревянную колонну, которая преступно зашаталась под моей тяжестью. Прежде чем я потеряла равновесие и успела снести симпатичную напольную вазу с сухими цветами, Генри подхватил меня и усадил в кресло. Убедившись, что я в порядке, он спросил:

– Чего вы хотите?

Я попыталась максимально стать собой, потому что, кажется, любое мое притворство он раскрыл бы еще до того, как я начала говорить.

– Я пишу книгу. Ну, это логично, – я закатила глаза. – Узнала о трагедии вашей сестры, вашей семьи. Приехала сюда. Надеялась с вами поговорить, узнать из первых уст, так сказать. Теперь понимаю, что идея, видимо, была так себе, – я развела руками. – Но если вы позволите мне рассказать миру правду о том, что случилось с вашей сестрой, возможно, это будет то, чего она действительно была достойна. Раз уж случилось то, что случилось, может, хотя бы память о ней будет честной, а не жуткой.

Я даже себя убедила, что мне интересна жизнь и смерть Джинни Харди, а не ее призрак и пропавшие мальчики. Было ужасно неудобно поднимать глаза на Генри, который ни звука не издал, пока я, жалко сидя в кресле в своей необъятной парке, врала напропалую.

– Откуда вы узнали о моей сестре? Вы явно не из Холмсли Вейл.

Да что же тут нужно носить, что не кричало бы: «Чужак»?

– Мне пришло письмо, – хоть тут врать не пришлось.

– О моей сестре?

– В целом, да, – не моргнув глазом, ответила я. – Я запустила конкурс на поиск нового сюжета. История вашей сестры была одним из предложений.

– Выиграла?

Я услышала усмешку, пожала плечами и наконец посмотрела на Генри. Глаза у него улыбались, а я снова начала терять способность мыслить здраво.

– Ладно, – он отлепился от стены и пошел куда-то, – пойдёмте, поговорим. Вы, наверное, замерзли. Будете чай или, может, я сварю глинтвейн, что скажете? Куртку можете оставить в том же кресле, а тапочки взять у входа: зимой прошу гостей разуваться, замена промокших половиц в этом доме – занятие очень хлопотное, если не сказать невыполнимое.

Я радостно поспешила найти себе удобную пару по размеру, скинуть тяжеленную парку и заглянуть в ближайшее зеркало.

Хозяйина я нашла на кухне, которая своими размерами отправила меня напрямиком в «Аббатство Даунтон»: светлая плитка по стенам и полу, развешанные приборы и посуда, отливающие медью, чистые столешницы, две металлические мойки, огромный деревянный стол в центре, окруженный высокими стульями, на которых можно было бы разместить десяток человек.

Генри поставил чайник на газовую плиту и теперь делал тосты. Я смотрела на него завороженно, на несколько секунд позабыв, почему я здесь. Мне хотелось пить с ним чай и молчать или говорить о чем-то несущественном, а не о самоубийствах и исчезновении детей.

– Вы живете здесь один?

Такие вопросы без стеснения выдают одиноких девушек. Затылок Генри, на секунду замершего, показал мне, что и он об этом знает.

– Да, один.

– Я в смысле: может, кто-то помогает вам смотреть за домом? Он очень большой.

Генри наконец повернулся и поставил передо мной тарелку с тостами с маслом и сыром.

– Да, конечно, у меня есть помощники. Дом действительно отнимает много времени и сил, я бы не справился один. Ну и на наших конюшнях работает несколько человек. Они в минутах пятнадцати-двадцати отсюда, – он махнул рукой в окно в сторону от деревни. – Ездите верхом?

– Нет, никогда, – помотала головой я. – Я и лошади никогда не видела близко.

– Совсем городской житель в наших местах, – Генри с улыбкой рассматривал меня. – Если хотите, проведу вам экскурсию и лишу вас лошадиной девственности.

Я чуть не подавилась, глядя на него огромными глазами.

– Простите, эта шутка была уже перебором, – Генри отвернулся к чайнику. – Черный, зеленый?

Я попросила черный чай. Генри разливал его в гробовом молчании, пока я раздумывала, что с ним не так. Если бы он с порога не очаровал меня, после его странной фразы я б, наверное, уже неслась в сторону «Кабана и хряка». Но я осталась на месте и заполняла тишину хрустом тоста.

– Что вы хотели бы узнать, Маделин? – Генри поставил дымящуюся кружку передо мной, а вторую оставил себе.

Меня так редко называли полным именем вне официальных обстоятельств, я привыкла поправлять в этом случае людей и звать меня Мад. Но не в этот раз. Мне нравилось, как он это говорил: Маделин.

Я выпрямилась и достала из сумки блокнот.

– На самом деле, все, что вы захотите рассказать, будет мне интересно. Если появятся какие-то вопросы, я задам, с вашего разрешения. Было бы здорово услышать все с самого начала. Какой была Джинни? – я осеклась: – Мне можно так ее называть?

– Если всем вокруг можно, то почему же вам нельзя? – улыбнулся Генри. – Тем более ее действительно так звали. Наверное, слишком высокопарно называть маленькую девочку Вирджинией. Или даже Вирджинией Грейс.

Он сел на стул напротив меня и уставился в свою чашку, словно пытаюсь найти силы и идеи, как начать свой рассказ.

– Наверное, наиболее подходящее ей слово – особенная, – начал Генри. – Она была совершенно особенной. Бывает, что удивительные люди рождаются в самых обычных местах.

Я красноречиво обвела взглядом доступную нам часть замка Харди, намекая на его необычность.

– Ну, ладно, – согласился Генри, – нашу семью сложно со стороны назвать обычной в традиционном смысле. Но если убрать этот дом и нашу землю, в нас нет ничего примечательного. А все это заработал даже не мой отец, да и, по правде говоря, не думаю, что это хоть когда-то было заработано. Уместнее всего тут слово «получил».

Мне это чувство было знакомо, только последнюю пару лет, но знакомо.

– Ни отец, ни мама никакими особенными талантами не обладали. Ну, плавали там, держались в седле, но так умели все Харди много веков подряд. А Джинни... Она словно пришла из другого мира, из другой вселенной, где есть только интеллект, доброта и красота. Она была очень умной, но при этом не заносчивой. Училась лучше всех, но ее от этого не избегали. Мы ходили в одну школу, но на себе я всегда чувствовал бремя имени: общались со мной в основном наши конюхи и их дети, да и то, подозреваю, потому что выбора у них не было. Но моя социализация стала более успешной, когда Джинни пошла в ту же школу, а особенно, когда подросла. Сколько себя помню, все любили Джинни. Няньки, прислуга, учителя, ученики, все в Холмсли Вейл, и родители, конечно. Особенно папа.

Мне это немного напомнило ситуацию в моей семье:

– Вам это не было обидно? Что все так относились к Джинни, а не к вам? Простите, если это грубый вопрос...

– Вовсе нет, – он отрицательно замахал рукой. – Все нормально. Я понимаю, что вы имеете в виду. Непросто жить в тени более успешного родственника, да?

Я пожала плечами, мол, допускаю, почему нет.

– Наверное, если бы мы были одного возраста или я был младше, это могло так работать. Но я на три года старше Джинни, а когда вы дети, это очень большая разница. Когда я стал подростком, она была еще совсем ребенком. А когда вышла ее первая книга стихов, я не воспринимал это иначе, чем новую игрушку от родителей. Я и сам ее стихи прочитал внимательно только после ее смерти.

В голове пронеслись странные и пугающие строчки в исполнении Дилан. Да, тут на многое стоило обратить внимание. Но мое внимание сконцентрировалось на том, что сейчас Генри Харди было тридцать восемь лет. То есть на одиннадцать лет старше меня. Много, но не критично. Он был в отличной форме и выглядел моложе своих лет.

– Словом, – продолжал Генри, – я не испытывал ревности к Джинни, у меня была своя жизнь. Конечно, не такая наполненная творчеством, как у нее, но тоже вполне приемлемая. В детстве у нас было все, что нужно, делить было нечего. А когда мы стали старше, когда Джинни начала выпускать книги на постоянной основе, меня волновали гораздо более приземленные вещи. Вы наверняка хорошо помните, как работает мозг у человека в восемнадцать лет. Там не до ревности к младшей сестренке, – он многозначительно улыбнулся.

– Да, наверное, голова тинейджера занята другими вещами, но гениальная сестра и внимание к ней могут существенно раздражать, нет?

Генри отмахнулся от этой мысли, как от назойливой мухи:

– Вовсе нет. Хотя, когда Джинни стала старше, пришлось уже отгонять приятелей, пускающих на нее слюни: она была очень хорошенькая. Но в целом не скажу, что мы сблизились. Джинни была общительной, ее все знали, но по-настоящему, кажется, ее никто не мог постичь. Творческая личность – всегда большая загадка, даже если находится на виду. Ну, – он улыбнулся мне, – вы это и сами знаете, Маделин, верно?

Я засмушалась: все еще не могла назвать себя творческой личностью, не придумав ничего с нуля.

– Думаю, ваша сестра была талантливее многих, если написала что-то признанное и стоящее в таком юном возрасте.

– Пожалуй, что так, – кивнул Генри. – Мне это довольно сложно оценить в полной мере: не очень разбираюсь в стихах. Да и в литературе в целом, наверное. Ваши книги хороши?

Он снова переводил тему на меня, от чего я готова была залезть под стол. Пришлось признаться, что книга вышла пока всего одна, но достаточно успешная.

– Надо же, обязательно почитаю. И теперь стало чуть более лестно, что второй свой роман после первого успеха вы решили посвятить моей скромной семье.

Он улыбнулся самой очаровательной улыбкой, а я поплыла в страну эльфов и единорогов.

– Но, по правде говоря, не представляю, что вам еще рассказать, из чего тут создать целый роман. Джинни была удивительной и замечательной. И Джинни покончила с собой, что привело нашу семью к логическому вымиранию в моем унылом лице.

Говоря это, он грустно улыбался. И в целом улыбался так часто, что слово «унылый» совсем ему не подходило.

– Как считаете, почему Джинни так поступила?

Нет никакого правильного, уместного или тактичного способа спросить, почему твой родственник покончил с собой, я это знала слишком хорошо.

– Не знаю, – просто ответил Генри. – Наверное, вы ждали какой-то невероятной истории, рассказывающей, почему еще совсем юная девушка ранит себя и вешается, но если бы я знал...

– он погрустнел. – Джинни была не от мира сего, я это говорил. Но незадолго до своей смерти она стала еще более закрытой, какой-то отстраненной. Сейчас, наверное, сказали бы, что родители должны были обратить на это внимание, что симптомы были тревожными, но, по большому счету, разве так не ведут себя все подростки? Разве их не переключает от истерического веселья до тотальной депрессии? Она могла в кого-то влюбиться, а может, обдумывала новую поэму. В период творчества Джинни невероятно преображалась, входила чуть не в состояние измененного сознания, могла выглядеть, как наркоман под дозой, говорить бессвязно. Творческая личность, как я и говорил. Кстати, – добавил он через минуту, – про наркомана не надо писать, наверное. Мне сложно оценить, как должен выглядеть и вести себя творческий человек.

Я согласно закивала.

– Кто был к ней ближе других? Она с кем-то общалась больше и откровеннее?

– Мама, думаю, – задумался Генри. – Наверное, оттого ей и стало тяжелее всех после того, что случилось...

– Можете рассказать, как все произошло? Понимаю, что это нелегко, но тем не менее.

– Да, конечно, – Генри снова махнул рукой, как бы говоря: «Какие церемонии, я же сам согласился». – На самом деле, странно вспоминать это спустя столько лет. Когда это случилось, все только об этом и говорили, задавали сотни вопросов, а мы, родители и я, отвечали бесконечное число раз. Восстанавливали цепь событий, произошедших в тот день, но в итоге все заканчивалось тогда, когда мы с родителями уехали в город.

Генри отпил из своей кружки и снова поставил чайник на огонь.

– Принято считать, что день смерти должен быть каким-то необычным. Что все вокруг означает приближающуюся трагедию. Но... посмотрите в окно.

Я, конечно, немедленно стала вглядываться в серый пейзаж за стеклом: голые деревья, растворяющиеся в дымке, остатки умирающих листьев, разбросанных там и тут, краешек немого фонтана. Максимально угнетающе.

– Не очень веселый пейзаж, да? И так тут почти всю осень, зиму и весну, так что отличных дней для самоубийства более половины в году. И тот день не стал исключением. Ну, может, чуть светлее было из-за снега, чем сейчас. И Джинни была такой же замкнутой, как и в последние дни. Хотя утром за завтраком обняла родителей и меня, впервые за несколько недель, это, пожалуй, и явилось чем-то необычным. Но мы восприняли это скорее как хороший признак: решили, что Рождество возвращает ее в более знакомое нам радостное и светлое расположение духа. А в остальном это было самое обычное утро, ничем не отличающееся от других. Мы с родителями скоро уехали в город, а когда вернулись, закончилась вся наша прежняя жизнь.

Я внутренне ждалась, предчувствуя встречу восемнадцатилетнего Генри с кошмаром.

– Пойдемте со мной, – не дожидаясь моего согласия, он вышел из кухни.

Я поспешила за ним в уже знакомый мне высокий холл. Генри встал в самый его центр и поднял голову вверх.

– Вон там, – он показал на деревянные перила на высоте примерно третьего этажа. – На третьем этаже была ее комната. И моя комната тоже. Она висела вон на той деревянной перекладине. Конечно, она выдержала ее хрупкое тельце.

Бесстрастный голос Генри наводил на меня ужас. Наверное, защитная реакция, подумала я, да и времени прошло уже немало.

– Я увидел ее первым. Отец оставался в машине, мама немного задержалась. Прислуги в эти дни было меньше: мы отпускали их готовиться к празднику. Позже полицейские сказали нам, что Джинни сделала это в течение часа после нашего отъезда. Мы уже ничего не успели бы сделать, даже если на это был шанс, – он опустил голову. – Но шанса никакого не было. Джинни изрезала себя кухонным ножом. Но, видимо, не умерла сразу и не смогла терпеть боль. Поэтому повесилась на отцовском ремне, связанном с простыней. Не могу представить, как ей было больно. Как ей было больно, моей маленькой сестренке.

Генри замолчал. И я не могла проронить ни слова: только видела, как наяву, свисающее на ремне тело молоденькой девушки.

– Хотите вина? – внезапно спросил Генри.

– Очень хочу.

Мы вернулись на кухню, Генри открыл узкий винный шкаф, воздух у него качнуло морозом. Хозяин предложил подогреть вино в кастрюле: в доме было свежо и без охлажденного алкоголя. Я не возражала.

Отвернувшись к плите и помешивая будущий глинтвейн, Генри продолжил:

– Я не успел остановить маму: она все увидела. Не забуду ее крик. Как будто с того света. Слышу его, как сейчас. Прибежал отец, через секунду он уже несея по лестнице вверх. Звал ее. Но тогда еще не было горя, одно отрицание. Он бежал спасти Джинни. Пока поднимался, звал меня на помощь, нашего управдома, забыв, что тот уехал домой. А когда добежал, не знал, что сделать, чтобы не поранить ее еще больше. Обезумел совсем. Хотел, чтобы я поймал ее внизу, но даже если бы Джинни была бы жива, это ничего не изменило бы. Она потеряла столько крови. И удушение завершило начатое. Джинни была мертва, я не сомневался в этом и плакал внизу. Я обнимал маму, она содрогалась в рыданиях. А отец носился по этажу, пока не осознал. Тогда из него словно вынули все то, кем он был раньше. Он обезумел. Это страшное бессилие, когда ты ничего не можешь сделать, никак повлиять на то, что происходит. Ты можешь владеть Холмсли Вейл, лошадьми, людьми, замками, но какое все это имеет значение, если твой ребенок свисает с перил в твоём доме?

Генри осторожно перелил ароматное вино в две старомодные металлические кружки, украсил их свежими апельсиновыми дольками и палочками корицы. Я заворуженно следила за ним: вместе с его жуткой и печальной историей творилось что-то доброе и уютное донельзя, что делало туманный холодный Холмсли Вейл романтической и теплой осенней сказкой. Мне захотелось достать длинные вязанные скандинавские гольфы, свитер с оленями и, сидя под теплым пледом, смотреть с Генри Харди телевизор. Интересно, в замке есть телевизор? А телевидение?

– Мы ждали полиции безумно долго, – хорошо, что хоть кто-то из нас двоих был в состоянии держаться означенной темы. – Я отвел маму в библиотеку, налил ей виски. Отец сидел на лестнице, курил. Никто ничего не говорил. Мама иногда порывалась куда-то бежать, но я останавливал ее. Она была в глубоком шоке.

Генри подошел к окну, словно видел во дворе то, о чем говорил:

– Сначала приехали наши местные полисмены, которые были настолько ошарашены случившимся и необходимостью их обязательного в этом участия, что посвятили все время неле-

тому перемиранию с ноги на ногу, бурча что-то об ожидании профессионалов. А кто они тогда? Ну да ладно, наверное, для двух молодых парней это было слишком. Через каких-то десять-пятнадцать минут профессионалы из ближайшего города прибыли и здесь развернулось настоящее светопреставление. Не прошло и получаса после их приезда, как в нашем дворе уже щелкали затворами фотоаппаратов первые журналисты. Маму увезли в больницу, она была практически без сознания, не могла говорить. Нас с отцом опросили, вкололи ему что-то успокоительное, а вернее даже снотворное. Тело Джинни сняли, уложили в пакет и увезли. Повсюду бродили люди в масках и защитных костюмах. У меня сняли отпечатки пальцев. В доме мы оставаться не могли, он стал местом преступления, тогда это еще рассматривали как убийство. Мы уехали в городской отель, я уложил спать отца. Это был кошмарный день, который длился бесконечно долго.

Генри замолчал, а я подумала, насколько страшно и одиноко было молодому парню в отеле в тот вечер. Какие мысли крутились в его голове? Подозревал ли он кого-то в убийстве Джинни? Задавать эти вопросы в тот момент у меня не поворачивался язык: это было бы слишком бестактно.

– Почему сразу решили, что это убийство?

Генри вздрогнул и вернулся в сегодняшний день.

– Не знаю, наверное, так принято думать у полиции – предполагать самое плохое. Но, если честно, другое и не приходило в голову, когда мы увидели Джинни. Как могла маленькая хрупкая девочка нанести себе кровавые раны, а потом повеситься? Такое просто не укладывалось в голове. Конечно, решили, что это мог сделать кто-то другой.

– И кто бы это мог быть, как считаете?

Генри пожал плечами:

– Понятия не имею. Холмсли Вейл – не самое дружелюбное место на земле, но страшно представить, что кто-то мог сотворить такое. Конечно, наша семья не пользуется расположением или особенной любовью соседей, но у нас никогда не было открытых конфликтов ни с кем. И особенно все это не вязалось с Джинни, которую все обожали. Чтобы кто-то мог прийти и убить лучшего человечка в округе? Нет, это в голове не укладывалось, хотя поначалу и казалось убедительнее версии самоубийства.

– Когда вы узнали, что это был суицид?

– На следующий же день. Если вид мертвой Джинни принес с собой самые бурные реакции, то известие о самоубийстве парализовало родителей. Они, да и я тоже, поверить не могли в это. Джинни была не таким человеком. Да она была последним человеком, от которого этого можно было бы ожидать. Тем более вся эта жестокость и какая-то... Не подумайте, что я хочу обесценить эмоции Джинни, но в том, что она сделала, была какая-то театральщина, истерия, какой-то кич. Все это было на нее так не похоже, так вызывающе дико.

– Еще и стихи эти... – не сдержалась я.

– Ах да, стихи, – кивнул с усмешкой Генри. – Жутковатый стишок Джинни Харди. До сих пор не понимаю, что это было, что на нее нашло. Но эта страшилка в рифму не укладывается в характер моей сестры больше, чем самоубийство. Да, она была творческой личностью, притом совсем еще юной. Ну, знаете, подростки и сами по себе довольно экзальтированные, впечатлительные, рассуждающие абсолютными категориями. Но Джинни все это как будто обходило стороной, с ней никогда не возникало проблем. Вернее, так казалось. А проблемы, конечно, у нее были, раз случилось то, что случилось.

– Наверное, сложно не винить себя за то, что не замечал проблем близкого человека, – сказала я.

Генри, кажется, почувствовал в моих словах понимание:

– У вас тоже покончил с собой кто-то из близких?

– Нет, – запротестовала я. – То есть да. Но там немного другое было дело.

Я совершенно запуталась и растерялась. Все еще не могла до конца осознать, что далекое и печальное прошлое имело непосредственное отношение ко мне и к моей семье.

– Почитаете, может, когда-нибудь мою книгу, думаю, будет понятнее, – неловко попыталась я.

– Обязательно это сделаю, – ответил Генри, внимательно меня рассматривая. – В тот момент, когда все произошло, я не винил себя. Тогда на меня просто напал ступор, не было понимания, как это произошло и что делать дальше. Из-за того, что от версии убийства отказались, мы с отцом смогли вернуться домой. Полицейские расспрашивали нас о Джинни, копались в ее вещах, но ничего интересного не нашли. Вселенная Джинни была наполнена учебой и стихами. Никаких тайных параллельных жизней Лоры Палмер, абсолютно нормальное существование слишком хорошей для этого мира девочки-подростка.

– Она не оставила других записок, кроме стихотворения?

– Нет, ни одной.

– Возможно, она вела дневник?

– Да, вела, но там не нашлось ничего, что объяснило бы ее поступок. Да и в пару последних месяцев она его забросила. Словом, одни вопросы, но никаких ответов. Отец был совершенно сломлен, вот кто действительно себя винил. Бегал по всему Холмсли Вейл, разговаривал со всеми, чтобы разобраться в причинах. Но все без толку. Никто не мог ему ответить, почему его дочь убила себя. Знаете, чужое горе пробуждает в людях внутренний эгоизм, думаешь: хорошо, что это не случилось со мной, с моим ребенком. Или начинают выдумывать причины типа: «Ну, это же богатая семейка, они там все избалованы, наверное, родители купили ей пони не того цвета». Не удивлюсь, что многие даже злорадствовали и говорили, что так нам и надо. Вот только Джинни ни в чем не была виновата. Она этого не заслужила.

Рассказ расстраивал Генри все больше, а мне все больше хотелось ему как-то помочь.

– Мне кажется, отец поступил так с собой в итоге, потому что не нашел ответов. И как будто хотел таким образом стать ближе к Джинни. Он так и написал в записке: ушел за своей маленькой девочкой, чтобы ей не было одиноко. Хотел на том свете узнать, что он сделал не так, почему не смог ей помочь. Почему не был хорошим отцом, чтобы она пришла к нему и рассказала, что ее волнует. Он бы мир перевернул для нее. Но она не пришла, а он себя за это не простил.

– А ваша мама?

– Мама надолго зависла в стадии отрицания: не принимала смерть Джинни. Когда она вернулась из больницы, начала жить своей обычной жизнью. Меня это пугало, отца раздражало, но его почти и не бывало в доме в то время. Врачи прописали маме различные таблетки, не уверена, что она их принимала. Наш дом пару недель напоминал сцену какого-то театра абсурда. И когда я думал, что хуже уже быть не может, отец покончил с собой. Для мамы это стало новым триггером, который вывел ее состояние на новый кошмарный уровень. Я уже никогда не видел ее прежней, такой, как до смерти Джинни. Сейчас она находится в одной хорошей больнице в паре часов езды. Я иногда приезжаю, хотя она уже не узнает меня. Или делает вид, что не узнает. Такая вот печальная история семьи Харди. Если честно, не представляю, как вы из этого сможете сделать роман, который люди будут с интересом читать.

Я растерялась:

– Думаю, можно поговорить еще с кем-то из тех, кто знал Джинни и собрать разные свидетельства о событиях тех лет. Если у вас будет еще время, мы могли бы поговорить подробнее о вашей сестре. Если вы, конечно, не возражаете.

Генри облокотился на стол и с самой очаровательной улыбкой на свете спросил:

– А есть хотя бы крохотная надежда на то, что во время нашей следующей встречи мы поговорим и о вас тоже? Мне бы этого очень хотелось.

Глава пятая, в которой я попадаю в страну чудес и встречаю самую красивую женщину Холмсли Вейл

– Вот уж в чем сомневаться не приходилось, так это в том, что Мэдди немедленно засунет свою голову в самый жуткий дом в округе, – голос Джей Си по местному телефону звучал еще более саркастично, чем обычно, но все-таки по-доброму.

Со связью в Холмсли Вейл была настоящая беда, и мне пришлось звонить другу по старому проводному бледно-голубому аппарату с закрученным шнуром. Для создания иллюзии конфиденциальности моего разговора Джордж даже пообещал мне не поднимать в это время параллельную трубку аппарата на стойке.

Джей Си первым делом отчитал меня за то, что пропала, хотя и догадался, что я осталась без мобильной связи. Ему не терпелось узнать все новости, но я всерьез переживала, что меня могут подслушать. Спрятавшись с головой под одеяло с телефоном, я пересказала ему мои разговоры за последние сутки. Мне казалось, что я находилась в Холмсли Вейл уже пару недель, потому что событий прошлого в этой деревне хватило бы на несколько месяцев.

Выслушав мой рассказ о разговоре с Дилан, Джей Си очень заинтересовался.

– Думаю, тебе стоит сразу все записывать, Мэдди, потому что анализировать материал так будет намного проще. И найди где-нибудь интернет, и присылай все мне, будем вместе думать. Что касается призрака Джинни Харди и его встреч с парнями перед исчезновением, думаю, история мутная, и вряд ли связывает одно с другим. Мало ли кто это был. Думаю, ты и сама там встретишь пару десятков таких призраков, похоже, в Холмсли Вейл это не редкость. Но вот письма со стихами – точно не совпадение, тут я с Дилан согласен. И значит, похититель целенаправленно выбирал именно этих детей. Но почему? И что он хотел сказать этим сообщением? Тем более одним и тем же. Стихи, откровенно говоря, так себе, хоть ты и читаешь их с подходящим подвыванием. Да-да, и не закатывай глаза, я слышу, как ты это делаешь, – добавил он с улыбкой.

Поймал, я действительно закатила глаза.

– Ла-а-а-дно. Согласна, с письмами история странная. И стих этот странный. Но ясности не добавляет, к сожалению.

– Да, не очень, конечно, помогает то, что эту историю с Харди знает вся округа. Это может быть буквально кто угодно. А там, где одновременно на улице двух человек не встретишь, можно похищение организовать и среди бела дня.

– В таком тумане, как здесь, похититель может даже пропустить потенциальную жертву, если уж на то пошло. Но в целом да, пока наш преступник – иголка в стоге сена, неудивительно, что поиски парней заглохли на старте. Как бы то же самое не случилось с моим романом: не представляю, как из этой истории сделать что-то большее, чем криминальную сводку в местной газете. Генри Харди был прав: когда люди слышат о чужом несчастье, в первую очередь начинают эгоистично думать о себе.

– Ах да, Генри Харди. Наш последний из рода Баскервильей, – Джей Си даже не пытался скрывать своего пренебрежительного отношения.

– Есть чувство, что тебе уже не нравится человек, которого ты в глаза не видел, – заметила я.

– Да я просто слышу по голосу, что наш загадочный Дориан Грей что-то очень быстро начал нравиться тебе.

Хорошо, что мы говорили по телефону: я немедленно залилась краской.

– И вовсе нет, – пробурчала я.

– Мэдди, я тебя знаю. Ты говоришь о нем тем же голосом, что и о Томе Хиддлстоне.

– Все нет, – упрямо повторила я. – Ничего тебе рассказывать вообще не буду.

– Ну, не сердись, Мэдди, я же люблю. Просто не хочу, чтобы ты увлекалась слишком сильно человеком, чья семья явно оставила ему набор психологических травм.

– По твоей логике, тебе и со мной общаться не следует, – совсем разозлилась я.

– Согласись, что у вас все-таки очень разные ситуации: ты не доставала из петли пятнадцатилетнюю сестру, покровившую себя ножом. И не продолжила спокойно жить в том же доме, где двое ближайших родственников покончили с собой.

– То есть в мой дом мне тоже возвращаться не следует.

Теперь неслышный звук закатываемых глаз донесся и до Холмсли Вейл.

– Мэдди, если ты перестанешь на пару минут обижаться и задуматься, то согласишься, что он пережил масштабную травму, и большой вопрос, пережил ли. За двадцать лет он не обзавелся ни семьей, ни какой-нибудь девушкой, живет затворником, что само по себе, конечно, не конец света, но в совокупности с анамнезом – не звоночек, а набат. Поэтому ты, конечно, материал собирай, но будь осторожна. Я же волнуюсь за тебя.

И хотя это было очень мило, мне очень не нравилось такое отношение Джей Си. Скрывать от самой себя это было бессмысленно: я увлеклась Генри Харди самым наивным и смешным образом.

Конечно, Джей Си был прав, мне стоило быть осторожнее в местечке, где пропадали такие крепыши, как Бобби Джентли, а я вынюхивала все с таким очевидным рвением. Друг поддержал мою идею развивать историю Джинни Харди, а не давить на больную мозоль горевавших родителей подростков.

Сама Джинни вызывала у меня противоречивые чувства. Я видела ее взрослой талантливой женщиной в теле маленькой девочки, которую внезапно переключило и сделало тем странным человеком, который пишет жуткие стишки и режет себя ножами. Что же с тобой случилось, Джинни? Пока ответ на этот вопрос терялся в тумане прошлого. И была ли причина в Генри Харди или нет, но меня история умершей двадцать лет назад девочки волновала все больше. Сколько бы мне ни хотелось на следующий день снова отправиться в замок Харди и придумывать миллион вопросов о Джинни, чтобы просто побыть с Генри, нужно было найти и других людей, знавших мою вынужденную героиню лично.

Генри предложил мне поговорить с приходским священником, который сегодня, как и двадцать лет назад, руководил местной паствой. Признаюсь, я без энтузиазма восприняла это предложение, потому что бессознательно боюсь служителей церкви безо всяких объективных причин. Ну, скажем, не совсем без причин: большая набожность моей матери не уберегла ее, а, на мой взгляд, даже усугубила и без того печальное состояние. А в свете разговора о суициднице перспективы казались мне еще более бесплодными: ну, что мне может рассказать престарелый священник о молодой девчонке? Что он иногда встречал ее на улице? Но выбирать мне особенно не приходилось, а Генри даже настаивал на том, чтобы я поговорила. Ему, конечно, было виднее.

Мыслями я то и дело возвращалась к отправителю письма. Первоначальная гипотеза, что это была Дилан, быстро исчерпала себя. Но кто-то же все-таки отправил письмо. И если это не был никто из семьи Микки, может, кто-то из семьи Бобби?

После «радушного» приема матери второго мальчика врываться в семью Джентли я не спешила. Дилан рассказала, что, в отличие от их собственной семьи, у этих она была полной: муж, жена и даже ребенок – совсем еще маленькая сестра Бобби, появившаяся на свет несколько месяцев назад. Мне всегда было интересно, есть ли жизнь после того, как судьба отбирает у тебя единственного сына, дочь, любимого человека. Кажется, Джентли пытались жить дальше и создали себе новый смысл, который сейчас занимал все их время. Маме Микки на такое надеяться не приходилось.

Беречь их раны мне совсем не хотелось. Но я была эгоистом, который пытался им помочь, как бы парадоксально это ни звучало. А значит, мне требовалось собрать в кулак всю свою смелость или даже откопать наглость и хоть как-то пообщаться с Джентли, выбрав любой подходящий повод.

Это было моим планом на следующий день. День, который следовало непременно занять, чтобы после него снова встретиться с Генри на конюшне, где он обещал «лишить меня лошадиной девственности».

После первого эмоционального завтрака с Джорджем и Ритой я решила, что буду есть в своей комнате, других ресторанчиках или в присутствии других посетителей «Кабана и хряка». Последний способ был легко реализован вечером: пивные закуски в окружении местных жителей, которые хотя и продолжали бросать на меня противоречивые взгляды, все же утратили первоначальный интерес и делали это все реже. Остаток вечера заняла систематизация полученных сведений, которая меня совершенно вымотала, и я завалилась спать с ноутбуком на коленях.

Раннее туманное и откровенно холодное утро вырвало меня из сна и подсказало быстро сбежать от утренней встречи с моими хозяевами: о том, что они еще не вставали, можно было легко догадаться по абсолютной звенящей тишине. Впопыхах натянув на себя половину содержимого чемодана, я выскочила на улицу.

Погода в Холмсли Вейл уже не вызывала того удивления, что еще два дня назад. Тем не менее утренний туман крепко захватывал легкие в тиски холода, так что я даже стала хватать ртом воздух, как рыбка на берегу. Быстро перебирая ногами, я пошла на свет ближайшей горячей витрины, даже не понимая, что там внутри, да и не особо об этом заботясь. «Вот так и начинаются фильмы ужасов», – промелькнула быстрая мысль, прежде чем я ввалилась в двери... и тут же попала в сказочную страну, сотканную из тепла и запаха выпечки.

Повсюду царил мягкий желтый цвет, как обычно и бывает в пекарнях. Может, это какой-то заговор, благодаря которому невозможно не покупать эти коварные углеводы, пахнущие детством и покрытые масляной корочкой, которой покрыты все самые безжалостные изделия на свете. Ровно таким же уверенным образом, каким меня схватил туман за окном, уют и тепло этого места немедленно сняли с меня капюшон и расстегнули парку.

Все вокруг состояло из светлого дерева и стекла. И из теста, конечно. Огромные прозрачные шкафы с выпечкой сияли, как рождественские елки. Крутящиеся полки внутри показывали самые заманчивые булочки со всех их привлекательных сторон. Стеллажи демонстрировали хлеб различных оттенков и форм, подписанный черными ценниками с меловыми буквами и цифрами. А за мной, ошарашенно рассматривающей все это чудо ручного труда, с довольной улыбкой наблюдала симпатичная полноватая женщина неопределенного возраста, с крупными каштановыми локонами. Она скрестила на груди кругленькие и румяные руки.

Заметив ее взгляд, я смутилась, а она расхохоталась, совершенно удовлетворенная такой реакцией. Тут и я уже не могла не улыбнуться – такой она была заразительно светлой.

– Ну, вы, вероятно, наша модная писательница, которая живет у Джорджа? – без вступления заявила она воркующим альтом.

– Здравствуйтесь, меня зовут Мад, и я действительно пишу книгу, скрывать что-либо в Холмсли Вейл, кажется, совершенно невозможно, – я обескураженно развела руками.

– А зачем что-то скрывать? – спросила она риторически, вытирая влажные ладошки о фартук и протягивая мне одну для знакомства. – Минни Джентли.

Я задержала ее руку в своей, стараясь прикрутить услышанную фамилию к уже известным мне фактам, а имя – к габаритам. Судя по возрасту, Минни вполне походила на хорошо сохранившуюся маму девятнадцатилетнего сына. Но я помнила, что у родителей Бобби был грудной малыш, с которым мама, скорее всего, находилась бы дома, а не с утра пораньше в этой

красивой булочной. Да и, честно говоря, жизнерадостная Минни совсем не тянула на женщину, недосыпающую из-за младенца или потерявшую взрослого сына пару лет назад. Так или иначе в моем представлении это должно было отразиться на внешности, настроении и возможности присутствия на рабочем месте ни свет ни заря. В конечном итоге я вспомнила, что нахожусь в деревне, где люди живут годами, расплзаясь огромными семьями по всему Холмсли Вейл, да и фамилия Джентли – не самая уникальная на земле.

Все это пронеслось, как мне казалось, за долю секунды в голове, но не ускользнуло от внимательных бойких глаз Минни:

– О, я чувствую, и моя фамилия вам тоже знакома, Мад, правильно я говорю?

Ничего от нее было не скрыть.

– Отпираться бесполезно, – с извиняющимся видом я пожалала плечами. – Мне действительно знакома ваша фамилия. В ваших местах, насколько я знаю, нечасто происходят из ряда вон выходящие случаи, и да, один из них связан, кажется, с вашей семьей.

Конец предложения я постаралась сделать вопросительным. Теперь уже Минни пришлось согласно кивать:

– Все верно, Мэдди, Бобби – мой племянник.

Я не могла не заметить, что она сказала не «был моим племянником». Все же исчезновение оставляет родным надежду на то, что их близкие живы.

– Мне жаль, что с ним это произошло, – надеюсь, мои слова прозвучали искренне.

– Что уж тут, – Минни всплеснула полотенцем. – Чаю с булочкой хотите или просто погреться зашли?

– Да, с удовольствием выпью чаю. А с сыром булочки есть?

Булочки у Минни были со всем возможным, и я внутренне порадовалась, что в Холмсли Вейл нет общественного транспорта и всю эту сладко-ароматную вкусноту я смогу согнать с помощью долгих пеших прогулок.

В ванильном раю не хватало только столиков, но возле окна была пристроена короткая стойка, рядом с которой уверенно стояли на ногах два высоких барных стула с деревянными сиденьями. Там Минни и устроила мой завтрак с травяным чаем, слойкой с ветчиной и тостом с расплавленным до неприличия сыром.

Убедившись, что я поела и могу отвечать на вопросы, не думая без конца о еде, она спросила:

– Вы приехали, чтобы написать о нем? Написать о Бобби?

– Да, – сначала сказала я. – Нет.

Даже сейчас не могу сказать, какой из этих ответов был честным, а какой – истинным. Минни не стала цепляться к словам, только покивала, как будто понимающе.

– И как продвигается? – поинтересовалась она.

– Пока непонятно, – я развела руками. – Только приехала. Информации много и одновременно мало. Может, вы мне что-нибудь расскажете.

Бровь Минни поползла вверх с нескрываемым негативом.

– Ого, так ваш визит – не случайность, – протянула она.

– Нет-нет, – замахала руками я. – Чистая случайность. По правде говоря, я шла в ресторанчик, чтобы позавтракать, а сюда завернула не иначе как чудом, честное слово. Нет, если вы не хотите обсуждать эту тему, я допью свой чай и удалюсь, конечно.

С секунду Минни размышляла, пока не решила, что я все же безобидна:

– Ладно уж, поболтаем. Все равно делать нечего, так рано к нам никто не добирается, а если и зайдут, рассиживаться все равно не будут, возьмут хлеба и круассанов и снова оставят нас вдвоем.

Хотя я и запланировала встречу со священником, спешить к нему совершенно не хотелось. У Минни было так тепло, вкусно и хорошо, а на улице – напротив, влажно, мокро и

противно, что я без малейших сомнений удобнее расположилась на неудобном стуле, готовая слушать историю Бобби Джентли.

– Да рассказывать особенно нечего, – рубила мои надежды на новый роман Минни. – Бобби – сын моего брата. Его тоже зовут Бобби.

Видя, как я не смогла подавить улыбку, Минни развела руками и сделала преувеличенный поклон:

– Да, мы не из клана Харди, но Роберт – наше семейное имя, его носил и наш отец, так что все в духе традиций.

Я постаралась сделать извиняющееся лицо.

– Ну так вот, – продолжала Минни. – Бобби – обычный парень. Не самый умный, но и не дурак какой-то там. Бобби и Бобби. Здоровый, большой такой...

– Как вы думаете, Минни, а где сейчас Бобби?

Разговор о парне в настоящем времени вызывал противоречивые чувства – ведь прошло два года, с тех пор как он исчез. И если тетя говорила о нем так, значит, считала, что с ним все в порядке где-то в другом месте.

Но Минни замялась, вопрос ей явно не нравился.

– Где Бобби? – она закатила глаза, как школьник, которого поймали на невыученном уроке. – По правде говоря, не знаю. Никто не знает. Сами ведь слышали: Бобби пропал.

– Думаете, он еще жив? Все же два года прошло... – продолжала атаковать я.

Минни все меньше нравился этот разговор:

– Даже думать об этом не хочу. Бобби – действительно, крупный, сильный парень. Таких в школе все боятся. Не представляю, каким нужно быть силачом, чтобы напасть на великана. У нас таких и нет больше. Если кто и пошел на него с дурными намерениями, то точно не в одиночку. Чтобы утащить куда-то такого здоровяка, как Бобби, нужно самому быть немаленьким.

Я вспомнила фото парня в интернете. Он выглядел не сильным, а, скорее, грузным, имеющим избыточный вес. Но кругленькой Минни я об этом, конечно, говорить не стала.

– Думаете, его кто-то украл?

– Ну а что еще остается думать? Тела Бобби не нашли, а значит, надо думать, что где-то он есть.

У меня были на этот счет другие соображения: все же спрятать тело можно, особенно, если похититель увез Бобби куда-то за пределы Холмсли Вейл. В конце концов тело можно и утопить, расчленив, сжечь. Никогда не высказывайте таких предположений родственникам жертв.

– Как вы думаете, его украл кто-то из Холмсли Вейл? Или это был кто-то не из этих мест?

– По правде говоря, я не сомневалась, что Бобби похитил какой-то чужак. Потому что ну кому это нужно в нашей деревне? У нас никогда ничего не происходит. Похитить Бобби ради выкупа бессмысленно. Брат живет, конечно, неплохо, но у нас так живут примерно все. Если думать о педофилах, а мы, конечно, и о них тоже думали, то Бобби и тут последний из парней, на которых можно было бы положить свой извращенный глаз: огромный детина быстрее сам нападет, чем будет ждать, чтобы на него напали. Ну, словом, не тот типаж. Вот мальчик Хитов был именно такой, если бы он пропал первым, я б даже не сомневалась: его украл какой-то извращенец, по мальчикам.

Я внутренне обрадовалась, что Минни вышла на связку «Бобби-Микки», и мне не пришлось подводить к этому самой.

– Считаете, Микки украл тот же человек, что и Бобби за год до того?

– Абсолютно уверена. Потому и говорю, до пропажи Микки я думала, что Бобби украл кто-то не из Холмсли Вейл. Сначала это было совершенно бессмысленное и нелепое преступление: Бобби пропал, и сколько бы мы ни искали, мы не находили его ни живым, ни мертвым. А знаете, это хуже всего – не знать, что произошло. Жена Бобби Натали просто онемела, ни с

кем не говорила. Только слонялась по округе в поисках Бобби. Потому что невозможно принять, что ты никогда не увидишь своего единственного ребенка, если не знаешь наверняка, жив он или мертв. У меня нет детей, но я это очень понимаю. Да и кто не поймет. Это же как почву из-под ног у матери выбить.

– А ваш брат как это переживал?

– Ну-у, – протянула Минни, – Бобби никогда не был особенно эмоциональным. Конечно, он был подавлен и, уверена, даже плакал тайком ото всех. Но не показывал свое горе на людях. И он почти сразу решил, что Бобби больше нет. Нет, он искал его вместе со всеми, конечно, но, когда прошла неделя, уже не сомневался, что сына нет в живых. Может, так он пытался принять горе.

– А может, он знает это наверняка? – спросила я с осторожностью многотонного слона.

Минни завелась моментально:

– Намекаете, что мой брат убил собственного сына?!

Я поняла, что меня неправильно поняли, и поспешила исправить ситуацию:

– Нет-нет, я совсем не это хотела сказать. Но, может, ваш брат получил какое-то подтверждение того, что все кончено...

Минни замерла в одной эмоции (остатках ярости) и испытывающе смотрела на меня, как бы решая, насколько можно быть со мной откровенной.

– Вот это да, уже и вы прознали про письмо, да? – наконец выдохнула она.

Я неопределенно пожала плечами: не исключено, что письмо было не одно и меня могла ожидать новая интересная информация.

– Грош цена полицейским предупреждениям: «Никому не рассказывайте об этом», если все говорят со всеми, и в далеких и крупных городах посторонние люди оказываются в курсе всего, что происходит, – раздраженно пробурчала она.

– Я действительно знаю, что ваша семья получила письмо после исчезновения Бобби...

– Не просто после исчезновения – отправлено письмо было еще до того, как Бобби пропал.

Это я тоже знала, но вежливо покивала головой.

– Письмо, конечно, было, вот только оно ничего не прояснило, а еще больше запутало. Похититель как бы дал нам понять, что специально охотился именно за Бобби. Но для чего он дал это понять бедным Бобби и Натали? Брат сразу решил, что это письмо как черная метка. Там ведь стихи были, про смерть, про то, что она всех забирает. И Бобби решил, что это наверняка значит, что сына больше нет в живых, хотя, на мой взгляд, доказательств этому нет никаких. Полиция, конечно, письмо забрала и попросила никому о нем не рассказывать. На этом, казалось бы, делу и конец. Сколько бы ни опрашивали друзей Бобби и вообще всех, кто был на той хэллоуинской вечеринке, а ничего нового выяснить не удавалось: он ушел ближе к полуночи, и все, пропал. Никто не встретил его на улице. Хотя в наши туманные ночи, наверное, и сами можете себе представить, можно и собственного носа не найти.

Колокольчик над входной дверью зазвенел, и в булочной показалась стройная и высокая женщина в длинном черном пальто. После уличной влажности вся она была покрыта каплями воды, как блестящими бисеринками. Посетительница сняла капюшон, под которым обнаружилась объемная и сложная прическа прямиком из латиноамериканских сериалов восьмидесятых. Накрашена она была так, словно собиралась в миланскую оперу, причем прямиком на сцену, а не в булочную к Минни. Все в ней казалось таким необыкновенным и неуместным случаем, что даже я со своей неместностью это понимала. Но при этом она выглядела настолько безупречно красивой и по-своему стильной, что неуместными казались и мы с Минни, и сама булочная.

Женщина стряхнула влагу с высоких замшевых сапожек на каблуке и стянула длинные мягкие черные перчатки, обнажив изящные тонкие пальцы с перстнями и ярко-алым маникю-

ром на миндалевидных, совсем не фермерских ногтях. В руках она держала большую плетеную корзину. За всем макияжем и объемом волос в ней угадывалась женщина лет тридцати пяти.

– Доброе утро, Минни, – с улыбкой пропела она. Тут ее взгляд упал на меня: – Ой, прости, ты занята, мне зайти попозже?

Хотя она и говорила совершенно обычные и даже милые вещи, тон ее нес толику приторного издевательства: никуда она уходить не собиралась, даже если бы мы с хозяйкой ее об этом попросили. Минни ушла за прилавок, показывая свою готовность выполнять рабочие обязанности.

– Доброе утро, Глория, как обычно?

Женщина с именем Глория, удивительно ей подходившим, удовлетворенно кивнула и протянула ей корзинку, уставившись на меня сверху вниз с улыбкой Моны Лизы. Пока Минни складывала ей несколько кирпичиков хлеба и пару стенобитных багетов, я думала о том, как эта фея понесет их по Холмсли Вейл на своих тонких каблучках. Пялиться в ответ было совсем не вежливо, поэтому я уткнулась в чашку чая.

Когда Минни протянула ей корзину через прилавок, Глория жестом показала, что корзину нужно поставить, и даже сделала полшага назад, как бы подтверждая, что сама она ее не возьмет ни при каких обстоятельствах. Быстро рассчитавшись с Минни, она медленно надела свои длинные перчатки, а когда закончила, подняла указательный палец вверх:

– А вот и Гарольд, – проговорила она безмятежно.

Никакого Гарольда ни я, ни Минни не видели, но буквально через несколько секунд в булочную вошел высокий и очень красивый парень в кашемировом белом кардигане и горчичных брюках. Вероятно, он подъехал бесшумно на машине, потому что даже несмотря на очевидное качество его одежды, в Холмсли Вейл он замерз бы крайне быстро.

То, что они с Глорией были родственниками, немедленно бросалось в глаза: высокий рост, тонкие черты лица, очевидная привлекательность. Гарольд коротко кивнул Минни, забрал корзину с хлебом, и они с Глорией удалились так же внезапно, как появились. Через десять секунд послышался тихий гул машины.

Мы с Минни многозначительно переглянулись. Я не стала ничего спрашивать, но у нее на языке уже вертелись ответы.

– Глория Мид с сыном. Это ж надо так разряжаться, чтобы за хлебом сходить, да? Даже Харди такого себе никогда не позволяли.

– Наверное, ее работа требует соответствующего внешнего вида? – осторожно предположила я.

– Ха-ха, – развеселилась Минни. – Да кем же надо работать, чтобы это было подходящим нарядом? Если ты не трансвестит из шоу в соответствующем баре, то даже не знаю, где так можно появиться. Вроде уже и в театры так не разряжаются.

Я вынуждена была согласиться.

– А работа... да нет у Глории никакой настоящей работы. Они живут в доме за церковью, в доме отца мужа Глории. У ее отца ферма, самая большая ферма в округе, там несколько человек за зарплату работает. А сама Глория в жизни палец о палец не ударила. Всегда была папочкиной принцессой, ей и осталась. Удивляюсь, что она никого не наняла, чтобы родить своего Гарольда. Видели же сами: ведет себя, как королева всего на свете. А на самом деле, дочь фермера и жена фермера, больше ничего. Но некоторым тесно в собственной шкуре, вот и ходят за багетами в жемчугах. Чудная, что и сказать. Но незлобивая вроде, так, может, пусть и ходит как хочет, да?

Я согласно покивала.

– О чем мы говорили? – попыталась вернуть наш разговор Минни. – А, да, Бобби. Так вот, мы всякое думали, конечно, когда Бобби пропал. Даже мысли были, не убежал ли он сам. Знаете, ребята уже большие, Бобби и два года назад выглядел взрослым, он мог бы начать

другую жизнь подальше от Холмсли Вейл. Только на него это не было похоже. Бобби из тех, кто будет огрызаться с матерью, но никогда не бросит ее горячий обед, особенно посреди здешней осени. Да еще и оставив все вещи. Но главным признаком было письмо: никто не может быть настолько жестоким, чтобы такое матери отправить. И Бобби, конечно, дуралей, но не садист. А когда пропал Микки...

– Вы сразу подумали, что его исчезновение связано с пропажей Бобби?

– Не сразу, – Минни покачала головой. – Натали даже говорить не стали сначала, что он пропал, она только начинала к жизни возвращаться, и тут снова такое. Да и не было у Бобби с Микки ничего общего. Поэтому мы сначала думали, что Микки найдется и все. А потом, когда пошли по всему Холмсли Вейл поиски, уже нельзя было ничего скрыть. Вы правы: у нас нечасто что-то случается, и, если кто-то пропадает без следа, – это событие, в котором участвуют все. Тем более что снова ребенок пропал. Конечно, вся деревня забурлила. Ну а на третий или четвертый день и Хиты получили свое письмо.

Минни отошла за стойку и вернулась с чайником, который все это время подогревался, плеснула теплого в мою чашку и налила себе.

– Свое письмо, а только такое же, – продолжила Минни. – В точности такое же. Это же жуть какая. Ну тут всем стало понятно, что у нас завелся какой-то маньяк. И что он ворует парней. И письма шлет. Так что сейчас все в панике перед Хэллоуином, особенно те, у кого сыновья есть. Это вроде единственное общее у ребят наших: пол, в смысле, – Минни на секунду замолчала и обвела руками свое углеводное царство: – Видите, даже булочную не украшаю к Хэллоуину, а ведь это был чуть не мой любимый праздник в году. Расставить везде тыквы, развесить искусственную паутину. У меня даже салфетки праздничные для прилавка вышиты. Но я уже второй год их не достаю. Из-за Натали в основном, чтобы ей не напоминать, не расстраивать. Хотя Натали сейчас все равно почти не выходит из дома, знаю, что ей это было бы неприятно.

– Не выходит из дома?

– Из-за Хоуп, дочки. У них с Бобби недавно ребенок родился. Что и говори, а девочка оживила их двоих. Хоуп сладкая, как булочка, ох как я ее люблю. Тихая, спокойная, не плачет без повода. Смотрит яркими глазками на мир, сокровище наше.

Минни была так бескомпромиссно влюблена в свою маленькую племянницу, что я не могла не улыбнуться. Она засмузилась:

– Ох, думаете, наверное, что я так говорю о малышке Хоуп, а о Бобби уже забыла? Каюсь, я привязана к племяшке. И да, она вернула к жизни отчаявшихся родителей. Но это не значит, что они заменили одного ребенка другим. Но разве плохо, что они в почти сорок лет не остались горевать до самой старости, а дали себе шанс на новое начало? И все сложилось, все получилось. Бобби был не самый внимательный парень на свете, но он точно обрадовался бы тому, что родители снова счастливы.

– Если бы был жив? – тихо спросила я.

– Если бы об этом узнал, – Минни опустила эти слова вместе с ножом на батон.

Я прикусила язык и решила сменить тему на менее личную Минни и более интересную мне.

– Это письмо, которое получил ваш брат. В нем ведь были стихи Джинни Харди?

Минни снова вышла ко мне с тарелкой хлеба для бутербродов и розетками с паштетом и джемом.

– Да, кажется. По правде говоря, я и не знала, что это ее стихи. Это нам потом уже сказали. По мне, тарабарщина какая-то. У нее много хороших стихов было, мы даже на выпускном их читали. Но это что-то странное. Ну и мы сначала подумали, что это кто-то пошутил, не связывали с пропажей Бобби. А потом Нат рассказала, что Бобби ей говорил, встретил, мол, Джинни Харди накануне. И что это сто процентов Джинни Харди, а не кто-то другой, потому

что она была босоногая в октябре. Вы выйдете сейчас босиком за порог? Вот именно. И Бобби так решил: раз холода не боится, значит, и впрямь призрак. Он, конечно, это полушутя Натали рассказал. Но когда мы получили письмо, она вспомнила, что Бобби говорил про Джинни. И проверили – точно, ее стихи. Странно все. Но опять же: кто-то решил поугагать Бобби призраком, для того и письмо отправил после этой сценки на улице. Но...

– Но, если бы все было так, ровно то же самое не случилось бы с Микки Хитом годом позже?

– Точно, – веско кивнула Минни. – Если бы встреча с призраком и письмо со стихами не повторились с исчезновением Микки, мы бы никогда не связали одно с другим. Но Мэри прибежала к ним в дом сразу же, как получила свое письмо. Мэри – это мать Микки. Она все повторяла, что это Джинни забрала Микки.

– И вы в это верите? – осторожно спросила я.

Минни была совершенно бесстрашна:

– Верю ли я, что призрак Джинни Харди забрал ребят? Нет, конечно, не существует никаких призраков. Но кто-то их забрал, а прикрывается девочкой, которая самоубилась много лет назад.

– Вы знали Джинни Харди?

– Не лично. Я училась на пару классов младше. Но, конечно, все тут знают Харди, и уж точно все знали ее. Местная знаменитость. В каждом празднике затычка: то стихи свои читает, то песни поет. Но такие везде, наверное, есть.

– Как думаете, почему она покончила с собой?

– Да бог ее знает, – всплеснула руками Минни. – Кто их, богатых, разберет? Напридумывают себе проблем и давай вешаться. Может, если б хоть денек в жизни поработали, то больше бы эту самую жизнь ценили.

Эту мысль я предпочла зажевать бутербродом.

– Но уж точно не она похитила Бобби и Микки. А тот, кто это сделал, может вернуться в Холмсли Вейл со дня на день.

Глава шестая, в которой я становлюсь на шаг ближе к богу и на пару шагов – к разгадке

Выбираться на улицу из уютной обители Минни ужасно не хотелось. Но люди стали появляться в ее булочной все чаще, а поводов засиживаться у меня оставалось все меньше. Мы договорились, что я обязательно еще буду заходить к ней, чтобы поправиться на пару килограммов.

Я так засиделась, что вышла уже в ясный солнечный день. На этот раз Холмсли Вейл не казался таким уж сонным и мрачным, как вчера, летом здесь даже могло быть довольно приятно.

Погода позволяла рассмотреть симпатичные улочки, а по пути в церковь я наконец увидела местную архитектурную достопримечательность – расположившуюся у большой площади старую водонапорную башню, о которой рассказывала мне Минни. Хотя она очень давно перестала работать по назначению, башня все еще оставалась центром притяжения и собирала вокруг себя жителей Холмсли Вейл по любому массовому поводу. Сейчас ее выкрасили в белый цвет с ярко-красной головой-башенкой. Я поневоле залюбовалась ею. Это было самое яркое и необычное сооружение в Холмсли Вейл, да и выделялось бы во многих других местах. Я не смогла удержаться и сфотографировала башню на телефон, который вот уже пару дней больше ни на что не годился.

– Красивое строение, да? – услышала я за спиной.

Голос принадлежал высокому стройному красивому мужчине лет шестидесяти. И хотя он был одет в длинное шерстяное пальто, выглядывающий воротничок на шее не оставлял сомнений: именно к нему я и шла.

– Здравствуйте, – сказала я и пошла к нему. – Действительно, очень красивое здание. Меня зовут Маделин Стоун, я как раз шла поговорить с вами, святой отец.

Я протянула руку, чтобы познакомиться, и только тут обратила внимание, что священник держит в руках два больших мусорных пакета. Он замешкался, пытаясь переложить оба в одну руку, потом понял, что рука грязная, начал вытирать ее о пальто. Я все это время стояла с протянутой рукой, пока мы, осознав нелепость ситуации, не рассмеялись.

– Мисс Стоун, прошу прощения, я сейчас отнесу это. Зайдите, пожалуйста, пока в церковь, вы немного до нее не дошли, вернусь и поболтаем.

Я прошла немного в направлении, которое он указал. Церковь как будто восставала из-под земли – так неожиданно она появлялась из-за поворота. Белая, с острой колокольной с темно-серой башенкой, она казалась очень маленькой и аккуратной. Я успела подумать, что небольшая часовня в саду моих родителей была никак не меньше, но, открыв тяжелые двери, толкнувшие меня внутрь, поняла, что ошиблась.

Внутри церковь словно изменяла восприятие пространства: была очень высокой и очень длинной от входа к алтарю. И в отличие от своей наружной скромности, даже аскетичности, она походила на одни из самых красивых храмов Европы. Я потеряла дар речи: никак не ожидала увидеть такую красоту в Холмсли Вейл. Почему этот архитектурный шедевр прятался в укромном переулке никому не известной деревни, было совершенно непонятно.

Я услышала позади себя покашливание и обернулась. Он успел снять пальто и смотрел на меня с лучезарной улыбкой. В этом виде он напоминал героя Ричарда Чемберлена из старой экранизации «Поющих в терновнике»: высокий, статный, красивый, несмотря на годы. В его внешности было то, что принято называть породой.

– Теперь все же будем знакомы, – он протянул мне руку и тут же с улыбкой покрутил ею перед моим лицом, – я ее помыл. Меня зовут отец Мид, мисс Стоун.

– Зовите меня Маделин, – попросила я внезапно для себя: не люблю свое полное имя, хотя в исполнении Генри Харди это, кажется, начало проходить. – Мид? Я, возможно, видела сегодня кого-то из ваших родных, кажется, Глорию и Гарольда?

Он расцвел еще больше:

– Да, это мои родные, сноха и внук. Они замечательные, верно?

– Мы не успели познакомиться, – я пожала плечами, замечательными они мне показались только внешне.

Кажется, его немного расстроило то, что я не проявила восторга относительно его родных, поэтому он добавил, как бы про себя, что его внук – лучший спортсмен в округе и, кажется, немного удовлетворился моей сдержанной улыбкой.

– У вас восхитительная церковь! – искренне воскликнула я, подняв голову на расписанный купол.

– Это так, настоящая жемчужина этих мест, – он кивнул, рассматривая со мной свое место ежедневной работы.

Мы вместе потихоньку двинулись по главному проходу между лавочек.

– Мне очень повезло с приходом, это правда. Уже столько лет я имею счастье наблюдать такую красоту. При этом о ней ведь многие не знают, у нас тут туристов не встретишь. Так что это только наше сокровище, достояние. Со временем, конечно, ко всему привыкаешь, и самое красивое место на земле становится просто местом, где ты каждый день должен бывать, где ты должен работать, утешать и радоваться вместе со своими прихожанами, с людьми, с которыми ты проживаешь все важные этапы жизни.

Мы присели на одну из лавочек в середине зала.

– Вы уже очень давно здесь служите, отец Мид?

– Очень, очень давно. Мы переехали сюда еще до рождения моего сына Джорджа. Я занял место отца Джонса, отошедшего в мир иной. Знаете, непросто молодому священнику завоевывать любовь и авторитет людей с уже устоявшимися порядками. Но меня приняли хорошо, и уже несколько десятилетий Холмсли Вейл – мой дом, а его жители – моя семья.

– Некоторые из них буквально стали вашей семьей, – заметила я.

– Да, это так, – снова с улыбкой вспомнил о своих родных отец Мид. – Вы о них хотели поговорить?

– Боюсь, что нет, – замялась я. Не представляла, как начать со священником разговор о суициде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.